

МАРИНА
ЦВѢТАЕВА

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАНЬ
ПЕРЕКОПЪ

YMCA-PRESS — PARIS

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАНЬ ПЕРЕКОПЪ

**Второе изданіе подѣ ред. Г. П. Струве,
с вступительной статьей Ю. П. Иваска
и тремя приложеніями**

YMCA-PRESS

11 r. de la Montagne-Ste-Geneviève
Paris 5

YMCA-PRESS

1971



Марина Цвѣтаева

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАНЪ

Москва

1917 - 1921 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Подборка стихов, озаглавленная «Лебединый стан», и поэма «Перекоп» были подготовлены к печати самой Мариной Цветаевой. И то и другое печатается нами по рукописи, которую Цветаева перед своим отъездом в Россию в 1939 г. отдала на хранение Елизавете Эдуардовне Малер, профессору русского языка и литературы в Базельском университете. Рукопись эта, переданная Е.Э. Малер в библиотеку Базельского Университета, представляет собой довольно большую записную книжку или тетрадку в твердой обложке. Стихи вписаны в нее рукой самой Цветаевой, ее своеобразным, тщательным позерком — и по старой орфографии: так Цветаева до самого своего отъезда в Россию писала все свои письма и так, если не ошибаюсь, были изданы за рубежом все ее книги кроме последней («После России», 1928). И так сама она завещала печатать эти оставленные ею на Западе произведения — в конце поэмы «Перекоп» она написала: «Если когда-нибудь — хоть через сто лет — будет печататься, прошу печатать по старой орфографии». Хотя это авторское завещательное распоряжение непосредственно относится как будто к «Перекопу», по мысли автора оно несомненно распространялось и на «Лебединый стан», переписывая который в тетрадку Цветаева строго соблюдала старое правописание — вплоть до ижицы.

Стихи «Лебединого стана» писались Цветаевой большей частью в Москве, между началом 1917 г. и концом 1920 г. Она жила в это время там со своей дозерью Ариадной (Алей) — младшая дозь Цветаевой, Ирина, родившаяся в апреле 1917 г., нахо-

дилась с некоторого времени в детском приюте, где и умерла в начале февраля 1920 г. Муж Цветаевой, Сергей Яковлевич Эфрон, в это время воевал в Белой Армии, куда ушел добровольцем еще в декабре 1917 г. Цветаева снова свиделась с ним только по выезде своем за границу, когда попала в Прагу в 1923 г. Почти все стихи «Лебединого стана» так или иначе тематически связаны с революционными событиями тогдашних дней, а очень многие посвящены Добровольческой Армии. Целый ряд этих стихотворений Цветаева тогда же читала на вечерах поэтов в Москве. Ее собственный рассказ о том, как она читала стихи о революционной Москве и о Белой Армии на устроенном В. Я. Брюсовым вечере поэтов, читатель найдет в приложении к настоящему изданию (см. «Приложение второе») в виде отрывка из ее очерка о Брюсове («Герой труда»). В том же очерке, а также в очерке «Мои службы» читатель найдет и другой биографически-бытовой комментарий к этому периоду жизни Цветаевой. О жизни Цветаевой в Москве в 1921-22 г. довольно много интересных рассказов и в воспоминаниях других писателей (в мемуарах И. Г. Эренбурга, в книге Эмилия Миндлина «Необыкновенные собеседники» и др.)

Уже за границей, в двадцатых годах, Цветаева думала об издании «Лебединого стана» как отдельной книги. Под таким названием, как «неизданная книга», стихи эти обзавлялись в 1928 г. в переиздании ее книг в конце последнего прижизненного негатного сборника Цветаевой («После России»). Издание это так и не осуществилось. Отдельные стихотворения, вошедшие в «Лебединый стан», негатались в разных изданиях: в журна-

лах « Русская Мысль » и « Современные Записки », в советских альманахах и в изданной И. Эренбургом в Берлине антологии « Поэзия революционной Москвы » (1922). Три стихотворения вошли в книги Цветаевой, изданные при ее жизни, но поскольку она вписала их в базельскую тетрадь, мы включили их тоже (более подробные и точные сведения о первых публикациях см. в примечаниях к стихам в конце текста). Только два из вошедших в « Лебединый стан » стихотворений были включены редакторами советского однотомника 1965 г. (в большой серии « Библиотеки поэта ») в их издание.

За исключением первого стихотворения, которое является как бы посвящением всего сборника С. Я. Эфрону, и одного стихотворения, в дате которого Цветаева не была уверена, мы негатаем стихи « Лебединого стана » в строго-хронологическом порядке, отступая от порядка их в тетради, поскольку сама Цветаева в примечании к стихотворению « Голубые, как небо, воды . . . » указала на неправильность порядка в ее записи в тетрадь. Мы исправили еще одну такую неправильность: стихотворение « ...О, самозванцев жалкие усилья », помещенное « Страстной понеделник 1918 г. », должно идти после двух стихотворений, озаглавленных « Андрей Шенье ».

Подстрожные примечания к отдельным стихотворениям, если не оговорено иначе, принадлежат самой Цветаевой. Даты под стихотворениями проставлены ею же и притом по старому стилю, тем, может быть, объясняется то, что в « Лебедином стане » стихотворение из цикла « Стихи к Блоку » помещено « Апрель 1920 г. » (так же

и в книжке « Стихи к Блоку »), а в однотомнике 1965 г. под ним дата « 9 мая 1920 ».

« Перекоп » писался Цветаевой уже за рубежом. Как следует из ее пометы в конце текста, она начала писать его 1-го августа 1928 г. во время летнего отдыха в Понтайяке (в деп. Жиронды), а закончила 15-го мая 1929 г. в Медоне под Парижем, где тогда жила. В начале сентября 1938 г. в Див-сюр-Мэр (деп. Кальвадос) она переписала его в книжку, которую оставила Е. Э. Малер. Из пометок в конце рукописи видно, что для своего рассказа Цветаева пользовалась записями « своего добровольца », т.е. своего мужа, С.Я. Эфрони. Местонахождение сейчас этих записей, если они сохранились, нам неизвестно.

« Перекоп » и работа над ним упоминаются несколько раз в опубликованных в Праге в 1969 г. письмах Цветаевой к ее гешскому другу и переводчице, Анне Тесковой. Так, 18-го ноября 1928 г. Цветаева писала Тесковой: « Пишу большую вещь — Перекоп (конец Белой Армии) — пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем, напр., Федру. Только времени мало, совсем нет — как всю (взрослую !) жизнь . . . » В письме без даты, но написанном, очевидно, уже после окончания поэмы (и во всяком случае в 1929 г.), читаем: « Вот я полгода писала Перекоп* (поэму гражданской войны) — никто не берет, правым — лева по форме, левым — права по содержанию. Даже Воля России отказалась — мягко, конечно, не задевая, — скорее отвела, чем отказалась. Словом, полгода работы даром, — не только не

* По датам под поэмой выходит, что Цветаева работала над «Перекопом» восемь с лишним месяцев. — Ред.

заплатят, но и не напезатают, т.е. не прочтут ». В письме от 25-го декабря 1929 г. опять упоминается « Перекоп » — рядом с « Федрой » и статьей о Наталье Гонзаровой — как гать наваленной на себя работой « горы ». 22 января 1931 г. опять: « Перекоп (6 месяцев работы) — лежит. В{оля} Р{оссии} взять не может (Добровольгество !), и Современныа Записки даже не ответили . . . » Та же жалоба в письме от 25-го февраля 1931 г.: « Перекоп (6 мес. работы) и французский Молодец (8 мес.) лежат. Первого не взяли ни В{оля} Р{оссии}, ни Совр. Записки, ни Числа . . . » И, несколькими строками дальше: « 'Перекоп' мне один знакомый перепезатывает на машинке, как конзит пришлю Вам оттиск, в пезатном виде Вы его никогда не увидите ». Наконец, в письме от 12-го марта 1931 г. как будто последнее упоминание о « Перекопе »: « Пытаюсь устроить свой Перекоп в 'Россию и Славянство', — боюсь только платить не будут: ожень бедны. И дайте мне добрый совет: как по Вашему, не прекратят ли гехи иждивение из-за моего сотрудничества — т.е. напезатания вещи — в правом органе ? Но гто же мне делать, когда ни Совр. Записки, ни Числа, ни Воля России не берут ? В России и Славянстве сотрудничает Бем ». *

Я в то время был одним из гленов редакционной коллегии « России и Славянства » (эти еженедельная газета выходила в Париже при ближайшем угагии моего отца, который жил в то время

* Известный литературовед, профессор русской литературы в Карловом университете в Праге, Альфред Людвигович Бем (1886-1945) был большим и искренним ценителем поэзии Цветаевой. — Р е д .

в Белграде), и я не помню, чтобы Цветаева предлагала нам «Перекоп». Совершенно уверен, что я и по крайней мере еще один злен редакции (покойный С.С. Ольденбург) стояли бы за напечатание этой вещи. Возможно, что Цветаевой ее друзья отсоветовали давать свою вещь в «правую» газету, хотя высказанное ею опасение было неосновательно: газета в то время полугала поддержку от чехословацкого правительства. Но Цветаева не ошибалась, говоря о «бедности» газеты: довольно скоро после того газета вынуждена была прекратить регулярный еженедельный выпуск.

Издать «Перекоп» Цветаевой так и не удалось. Есть сведения, которые проверить мне не удалось, что на одном из своих везеров в 1929 г. Цветаева читала отрывки из «Перекопа». Во всяком случае в одном до сих пор не опубликованном письме она упоминала о таком намерении.

Когда я в 1957 г., при содействии Е. Э. Малер и ее ассистента, г-на Robin Kemball, получил фотокопию «Лебединого стана» и «Перекопа», я собирался издать обе вещи вместе. Меня тогда попросили не делать этого — в интересах до сих пор проживающей в СССР догери Цветаевой, и я выпустил только «Лебединый стан» (Мюнхен, 1957). В 1963 г., в пятом выпуске нью-йоркского альманаха «Воздушные Пути, «Перекоп» был напечатан по базельской рукописи, но с большим количеством ошибок в графической подаче текста, играющей у Цветаевой большую роль, с некоторыми пробелами и с включением — как бы в виде первого эпиграфа — заключительных строк стихотворения, которое Цветаева вписала после стихов «Лебединого стана», с просьбой напечатать

его когда-нибудь после ее смерти (см. в настоящем издании « Приложение третье »). Ни к « Перекопу », ни даже к « Лебединому стану » стихотворение это не имеет никакого отношения.

Ноябрь 1969 г.

Глеб Струве

БЛАГОРОДНАЯ ЦВЕТАЕВА

Поэзия Цветаевой — поэзия хвалы и хулы.

Хвалила она многое, многих, и открыто, не таясь, громко. Громкая хвала и хула — риторика, а риторика будто бы «не женское дело», но Цветаева себя этому делу посвятила и с этим делом справилась. Риторика бывает холодной, бывает и пламенной. Цветаевская риторика — пламенная.

Цветаева с упоением славословила и анафематствовала наперекор общественному мнению, «под свист глупца, под мещанина смех». Ей драться хотелось, особенно в юности! Так, в годы первой германской войны она гремела:

Германия, мое безумье,
Германия, моя любовь!

Но лет через двадцать неугомная Цветаева резко осудила гитлеровский третий рейх и прославила раздавленную, поруганную Чехию.

В 1918 г. она твердила:

Это просто, как кровь и пот:
Царь — народу, царю — народ.

А в «Лебедином стане» воспела Белую армию. Но позднее с горечью поучала эмиграцию:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока.

Вот неполный список цветаевских славословий. В ранней юности у нее был культ Наполеонов — I и II (герцога Рейхштадтского). Один из источников ее романтического бонапартизма — «Орленок» Эдмонда Ростана. Позднее она воспевала кавалера де Гриз — героя романа «Манон Леско», Казанову, далее — Сивиллу, пророка Даниила, Св. Георгия, Царь-Деву, сказочного Мблодца,

Марину Мнишек и многих поэтов — Байрона, Пушкина, Блока, Вячеслава Иванова, Кузмина, Мандельштама, Ахматову, Маяковского, Рильке, юного Гронского, наконец, статую Пражского Рыцаря, деревья, гору, Бога... Еще прославлялась в ее стихах чета любовников — Зигфрид и Брунгильда или Тезей и Ариадна, Ипполит и Федра; друзья в Духе — Иисус и Иоанн; чета тайных недругов — Саул и Давид.

Кажется, самую высокую ноту Цветаева взяла в гимне Ученика — Учителю (в стихах, посвященных князю С. М. Волконскому):

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —

За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Цветаева хулящая — с упоением понссит пошлость. Так, в «Поэме Горы» предаются проклятию жители низин, обыватели:

Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!
Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!

Поистине великолепно издевается она над неверным любовником («Попытка ревности»):

Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергну (с оного сошед),
Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

Отвергается всякое насилие, и не только Гитлер. В стихах «Чужому» Цветаева писала:

Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.

Мечущая громы и молнии неистовая Цветаева — сродни торжественно гремящему или даже рыкающему Державину. Цветаева, герольд Белой Гвардии, и Маяковский, орала-мученик Красного Интернационала — пра-пра-правнуки певца Фелицы. Но тут же отмечу — все эти три поэта высокие лирики и темами «красными» или «белыми» их поэзия не исчерпывается.

От державинского *Осьмнадцатого Века* — архаизмы Цветаевой, которые в нашем веке культивировали Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам. Но у первого церковно-славянизмы отзываются сухой книжностью, а у последнего смягчены элегичностью тона. Цветаева же, несколько Державину не подражая, все же по-державински остраниет архаический высокий стиль выражениями грубыми, простонародными. Так, в ее изобилующей архаизмами классической трагедии царевич Ипполит по-мужичьи обзывает царицу Федру *гадиной*. Контрасты между «высокими» словесами и «низкими» словечками усиливают выразительность и ее великолепных славословий и ее не менее великолепной брани.

Даже любящая Цветаева редко понижала голос:

— Лъни ! — на лыжах ! — Лъни ! — лъняной !

Этот (очень эвфонический) стих выражает чувство тихое: нежность, но звучит громко — усилено четырьмя восклицательными знаками. Нежная Цветаева тоже громкая.

Кое-кто, может быть, упрекнет Цветаеву в беспринципности, в желании говорить нàзло. Да, ей нравилось бесить патриотов, коммунистов, монархистов, антисемитов, и в поэзии, и в жизни. Так, она, автор монархических стихов, крикнула на весь зал монархистам, оскорбившим лектора-еврея: — «Хамло!» Но в основе ее романтической агрессии не только задор, а, прежде всего, благородство.

Определим благородство (греч. «*εὐγένεια*»), как понятия и поступки сообразованные с добром и красотой. Это классическая добродетель, но скорее в ее западно-рыцарском варианте. Благородны были и князья, кмети Киевской Руси, хотя бы оба Мстислава, Удалой и Храбрый, часто не в меру драчливые, но неизменно великодушные. А тяжелая давящая Москва эту добродетель выкорчевывала. Благородный человек творит добро, ибо добро прекрасно. Здесь этика хочет слиться с эстетикой. Подать руку сраженному врагу, утешить сироту или вдовицу, легко расточать деньги — вот нравственно-эстетический кодекс благородного по рождению человека и, что более существенно, по духу. Цветаева не дворянка. Ее отец, ученый-труженик, был сыном сельского священника. Мать немецко-польского происхождения, и у Марины Цветаевой было некоторое сочувствие к горячке Марине Мнишек... Так или иначе, она эту рыцарскую, дворянскую добродетель усвоила и развивала. Отсюда ее увлечение (в годы гражданской войны) благородными нищими старой барской культуры, князем С.М. Волконским или А.А. Стаховичем, к которому она обратилась с посланием:

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос —
Всё равенство нарушит нос горбатый:
Ты — горбонос, а он — курнос.
Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет — в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда — Царицы длань.

(1920 г.)

Благородство бывает и не барское, и в стихотворении « Отцам » возвеличивается благородство русской разночинной интеллигенции: для старшего поколения отцов, пишет Цветаева, тот « краше был — кто жарче страдал ».

Цветаева восхваляла многих и разных, и все эти многие и разные, преимущественно принадлежат к двум категориям:

1) это *одаренные* — дарами ли мусажета Аполлона поэты или же — жизнедавца Зевеса: великие любовники, великие друзья, герои, героини;

2) это *гонимые* — свергнутый царь, нищий барин, преследуемый еврей, поработоченный чех.

Здесь отличие *белой* Цветаевой от ее *красного* собрата — Маяковского, благородного в любви, но неблагородно прославлявшего не только торжествующего вождя пролетариата Ленина, но и его приспешника-палача и полупомешанного фанатика Дзержинского. Позднее же Маяковского облагородило его самоубийство, его « лирический выстрел ». Он « прожил, как человек, и умер, как поэт », сказала о нем Цветаева. В ноябре 1928 г. она была на его вечере в Париже. Ее спросили: — « Что скажете о России после чтения Маяковского ? ». И она, не задумываясь, ответила: —

« Что сила — там » (газета *Евразия*). Но сила никогда не была для нее высшим мериллом. Все же, при большом различии, было между ними сродство, и Маяковский — «архангел-тяжелоступ», «гордец чумазый», Цветаеву восхищал.

Если же обозначить одним словом тех, кого Цветаева хулила, то это — чернь, которая, как известно, бывает и великосветской, и простонародной, а также «буржуазной». Золотой середины она не знала и знать не хотела, хотя эта золотая середина тоже имеет свое оправдание, и не только обывательское, а и в высоком плане поэзии — у Горация, у Гёте, у Пушкина. Пушкин писал: «И сердцу не даю пылать и забываться», а Цветаева и пылала, и забывалась; именно поэтому цветаевский Пушкин — романтически-преувеличенный образ («Петр и Пушкин», 1937 г.).

Не признавала Цветаева границ, ей нужен был безбрежный простор, и это угадал Рильке. В элегии, Цветаевой посвященной, он писал:

Wellen, Marina, wir Meer !

Tiefen, Marina, wir Himmel !

(Волны, Марина, мы море !

Глуби, Марина, мы небо !)

Но Марина Ивановна сказала бы иначе: для нее небо не глуби, а выси. «Я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое», — писала она мне. Понимала глубины (страдания, корни), но не ближе ли ей были высоты (радость, листва) ?

Цветаева бывала своевольна, своенравна, но не было в ней суматошной декадентской распущенности поэтов предреволюционной России. Марина чудачила, но иначе, чем футуристическая или акмеистическая богема в тринадцатом году. Всегда была в ней строгость — рыцарское благород-

ство или даже интеллигентское пуританство. Такой была она и в жизни. Часто увлекалась: «Я в голосах мальчишеских знаток» (1928 г.). Но до конца несла тяжелый крест семьи. Декадентщина ее не коснулась. При всей своей «безбрежности» она свой долг выполняла. Все громкое, всякая самая возвышенная и благородная риторика может увлекать, но иногда вызывает улыбку. Если смех убивает, то Цветаеву убить нетрудно, и скорее всего — когда она не хулила, а хвалила. Не раз именно смехом хотели ее убить Зинаида Гиппиус и Георгий Адамович. Для последнего она так и осталась гимназисткой, начитавшейся романов Чарской. Марина чем-то действительно напоминала княжну Джаваху, то же самое говорил ей и очень дружественно к ней относившийся Максимилиан Волошин. Но было и другое: в быту она, по собственному признанию, была сродни Катерине Ивановне Мармеладовой «с шалью, и голыми детьми, на французском диалекте...» (как писала она мне), а в поэзии вдохновляла ее муза Полигимния.

— 0 —

Признание пришло рано: Волошин и Гумилев одобряли ее юношеские опыты. Позднее и недруги, тот же Адамович, воздавали ей должное.

Ритмы Цветаевой. Ее специальность — так называемые логаяды, то есть силлаботонические стихи отличные от пяти традиционных размеров (ямба, хорей, анапеста, амфибрахия, дактиля). Логаядами писали Сумароков, Востоков — Саффо-ва или Алкеева строфа. Также и Дельвиг (Дифирамб). Существенно, что логаядические метры Цветаевой — не тонические стихи. Поэтому их

не следует называть дольниками, как это недавно сделал М. Л. Гаспаров, хотя ему и удалось в своих таблицах верно описать тот стих, который он называет цветаевским. Но в дольниках обычно не соблюдается равенство слогов (изосиллабизм), как в лобаэдах.

В трагедии Цветаевой «Ариадна» (которая прежде называлась «Тезей») приблизительно одна пятая всех стихов написана восьмисложными лобаэдами со следующими вариантами:

1. Лавр и радость на лбу младом: / - / - - / - /
2. И моим не преминет стать: - - / - - / - /
3. Услаждать его до седин: - - / - / - - /
4. Дар прекраснейшей из богинь: / - / - - - /
5. Над любимицею своей: - - / - - - - /
6. Судорог, содроганий смесь: / - - - - / - /

Тем же метром написаны и некоторые ранние ее стихи: «Ты проходишь на Запад солнца» («Блоку», 1916 г.). Или — «Кавалер де Гриз напрасно...» (1917 г.). Писала она так и позднее. Этот метр не допускает трехстопного анапеста, в котором девять слогов, а не восемь, как в этом цветаевском лобаэде. Между тем, Гаспаров включает анапесты в свои схемы дольников. Встречаются у Цветаевой и другие лобаэдические «типы».

Создается впечатление, что в этих, да и в других, лобаэдах Цветаевой все ударения очень уж резкие, бьющие и, вместе с тем, однообразные, как барабанная дробь. А. кн. Д. П. Святополку-Мирскому цветаевские стаккато напоминали конский галоп... Все же, на слух, в громкой поэзии Цветаевой больше пауз, больше нюансов, чем у Маяковского в его оглушительно-барабанных или тяжело-галопирующих стихах «лесенкой».

Еще Г. Адамович отметил этот излюбленный прием Цветаевой: переносы (enjambements). Здесь однообразия нет: неожиданно выделяется сильное ударение на перенесенном слове (курсив мой):

Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)

Очень громко стихотворение «Возвращение вождя» (1921): «Конь — хром. Меч — ржав...» Здесь подряд 32 ударения на односложных словах (сплошные спондеи). Но Цветаева давала и роздых — умела она *падать* в протяжных пиррихиях (безударных слогах): «Удостоверишься — повремени («Земные приметы», 1922). Или: «С подкрадываниями, заборматованиями...» («Любая юдоль», 1922). Здесь ударения не барабанные, а скорее воюющие; и все у Цветаевой громко: дробь ли, вой.

С. Карлинский в своей книге отметил оригинальный прием Цветаевой — разделение слов по слогам: «Рас-стояния: версты, мили/Нас рас-ставили, рассадили...» (1925). Эти разрывы не связаны ли с особенностями ее речи? Навсегда врезались в памяти эти слова Марины Ивановны: — Мне никогда, ни до чего не было дела, кроме поэзии...», сказала она мне, отстукивая по столику парижского кафе.

Свойственно было ей речитативное произношение. Вообще же, такой разрыв слов на слога допускается в эмоциональной речи (и не только в русской), когда говорящий что-то подчеркивает фоническим курсивом. Так, в забавной стихотворной повести Саши Черного («Любовь не картошка») Роза Фарфурник истерически кричит отцу: «— Хочу за Эпштейна (...) хо—чу за Эпштейна...».

Такие растяжения слов тоже пригодились Цветаевой в ее поэтическом хозяйстве. Она любила подчеркивать, выделять: ей, видно, мало было других усилителей — восклицаний, вопросов или императивов, логаздов, спондеев или переносов.

«Безглагольность» Цветаевой (отмеченная С. Карлинским) тоже динамизировала ее поэзию. «За фюрером — фурии...» («Стихи о Чехии», 1939) звучит сильнее, чем — за фюрером мчались фурии. Но у «безглагольного» Фета этой динамики нет («Шепот, робкое дыханье»): Фет млеет, а Цветаева несется со скоростью урагана.

Фоника Цветаевой — державинская, «маяковская», и она любила звуки рыкающие, шипящие: «Рана в рану, хрящ в хрящ» («Клинок», 1923).

Не мало у ней звуковых ассоциаций. Были они и у Пушкина: очей очарованье. В нашем веке ими увлекался Хлебников (Волга-волки), также Маяковский, Пастернак, Цветаева: льни на лыжах... минута: минуца... пунш и Пушкин.

А «державинская» стилистика Цветаевой соответствует литературным канонам адмирала А. С. Шишкова: «Уметь высокий Славянский слог с просторечивым так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого» («Рассуждения о старом и новом слоге», 1803). Я послал Марине Ивановне выписку из этого шишковского литературного манифеста, и она ответила, что готова под ним подписаться, и я уже писал, что нравились ей «коктейли» из высокого и низкого стиля. Вот еще один пример смешения книжного слова с разговорным и грубым: «Словоискатель, словесный хахаль...» («Емче органа...», 1924).

Цветаева великолепно барочна, как Державин

или Петров в Осьмнадцатом веке, как книжный Вячеслав Иванов и грубый Маяковский — в нашем. Она любила причудливые сравнения (кончетто), характерные для барокко: Бог — стройнейший гимнаст или — седой ледоход.

Были у Цветаевой неисчерпаемые запасы вулканической энергии, как у Донна или Гонгоры в 17-м веке. Все ее приемы усиления, все раскатистые громкоговорители в поэзии, способствовали выражению огромной витальности и динамики. Была она по собственному признанию: «живейшая из жен». Цветаева думала, что долго проживет, как ее *Бабушка* — причудница-проказница (в цикле 1919 г.). Но втайне всегда знала: сколько ни прославляй богов, героев, поэтов, сколько ни барабань, ни бряцай, ни труби — нет на земле достойного высшей похвалы, и нет достойного для растраты ее жизненной и творческой энергии.

Не ее судьба сгорать во имя утопического будущего, как Блок, или же — на земле вмещать небо, как Мандельштам, о котором она сказала — «десятилетний божественный мальчик» (1916). Ее судьба: взмывать. Взмывов два:

Взмыв: выдышаться в стих.

.

Взмыв: выдышаться: в смерть.

Если бы жизнь ее сложилась иначе — Цветаева долго бы еще увлекалась и славилась в гремучей своей поэзии... А все же — она, не меньше чуждого ей Лермонтова — этим миром никогда удовлетворена не была. Ее барочное изобилие опиралось романтическим разочарованием. Не хотелось ли ей исчезнуть, как Царь-Девиге: «В никуда я пропала...»? ?

Метафизика («заочность») едва намечена в

поэзии Цветаевой. Это — Град Друзей: бесстрашие
душ

В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб . . .

(Помни закон . . . , 1922).

Или же — Елисейские Поля, в которые вступают блаженные юноши: они, не обольстившись негой, бросали дочерей земли «для боя и для бега» (Блаженны . . . , 1921). В этом «мужском небе» эллинского Элизия, может быть, *есть место* для ее любимых героев — будь то смелый конник Ипполит, преданный Отрок-ученик, или же слабый Царевич-гуслиар, а также и полюбившая его Царь-Девушка. В этом раю умолкнут ведомые Цветаевой полки ее стихов, марширующие в ритме барабана или трубы. Там — свобода игры «на сухом ветру». Это большая и, кажется, никем не замеченная тема цветаевской поэзии (и, может быть, ее жизни). Она всегда знала, хотя редко признавалась:

Содружества заоблачный отвес

Не променяю на юдоль любви . . . (1921)

О Боге она сказала: «Бог из церквей воскрес . . .». Ему посвящено только несколько стихотворений. Ее Бог — не Творец, не Спаситель, не Утешитель, не Вдохновитель, а свободный дух: Он сродни ветру, который «носил» Царь-Девушку:

О Его не догоните !

В домовитом поддоннике

Бог — ручною бегонией

На окне не цветет !

.

Ибо Бог Он — и движется.

Ибо звездная книжица

Вся: от Аз и до Ижицы

След плаща Его лишь ! — (1922)

Цветаева своему Богу не молилась, ничего у Него не просила, вообще редко поминала. Сама на себя во всем полагалась, хотя часто изнемогала под тяжелым крестом жизни, быта.

На родине ей некуда было деться: горе-злосчастье загнало ее в петлю. Но и в самые творческие годы смерть ее странно завораживала, как и то, что после смерти: неведомая свобода. Бушевавшие в Цветаевой великие бури искали великой тишины.

— 0 —

Проза Цветаевой. Ее очерки, воспоминания, письма, как и ее поэзия — мифы, *творимые легенды* («изобретенные» Сологубом). Но о живых людях творил легенды не он, а Розанов, и совсем иначе — Андрей Белый. Цветаева, опять-таки на свой лад, творила мифы семейные — об отце, о матери, об историке Иловайском (на дочери которого был женат первым браком ее отец). Герои ее литературных мифов: «дух земли» — Волошин, «пленный дух» — Андрей Белый, «световой ливень» — Пастернак, «божественный мальчик» — Мандельштам, «сирота» — Анатолий Штейгер; и «мифологично» явление Кузмина на описанном ею петербургском «нездешнем вечере».

Замечателен ее философический очерк «Искусство при свете совести». Цветаева утверждала, что искусство — стихия, и что оно вне добра и зла (как и природа). Художник, одержимый стихиями природы — выражает эти стихии или даже продолжает их бытие в искусстве. Но художник — не только артист, а и человек, подлежащий нравственному суду, который неминуемо должен осудить его за художество, равно чуждое и добру,

и злу. Возвращаясь на путь нравственный, художник не может не отречься от своего творчества, как Гоголь или Толстой. Если хочешь служить Богу и людям, делать добро, то поступай в Армию Спасения и брось писать стихи, утверждает Цветаева. «Только с таких, как я (т.е. поэтов. Ю.И.), на Страшном Суде и спросится. Но если есть Страшный Суд слова — на нем я чиста». Эта «фикция» словесного Страшного Суда кажется мне очень плодотворной. Если «судить» им, скажем, героев Достоевского, то не окажется ли, что многие его отрицательные герои, напр., добровольные шуты вроде Фомы Фомича, Лебедева, Лебядкина, Карамазова-отца, говорят талантливее, чем многие праведники, старец Зосима или Алеша. . . . И некоторые думают, что мильтоновский Сатана лучше говорит по-английски, чем Бог!

Очень верны многие наблюдения Цветаевой в том же очерке, напр., над «Пиром во время чумы». Пушкин вложил песни в уста кроткой Мэри и неистового Вальсингама, а Священнику песни не дал. Священник прав: нельзя пировать во время чумы. Но проповедь его состоит из общих мест, он словесно беден, он вне стихии искусства. Но, заметим, проповедь может быть и не скучной. Стихотворные проповеди английских поэтов-священников XVII века, Джона Донна или Джорджа Херберта — увлекательны, в них — поэзия. Гимны Св. Франциска или Св. Иоанна Креста — тоже поэзия. Художественно выразительны проповеди Кирилла Туровского (в XII веке) или митрополита Филарета. Но в русской поэзии русский священник, автор или герой, своей песни еще не спел.

Очень хороши очерки Цветаевой о Пугачеве в «Капитанской дочке», о двух Гончаровых или «о

двух лесных царях». Оба стихотворения равноценны, но не равнозначущи, — пишет Цветаева: в переводе Жуковского стихийный демонизм Гёте испарился.

Цветаевская проза — красноречивая, приподнятая, но, вместе с тем — простая, логичная. Русский философский язык вообще маловыразителен. И русские мыслители, эссеисты могли бы у Цветаевой кое-чему поучиться. Цветаевская фразеология — обычно короткая и синтаксически симметрическая: «К искусству подхода нет, ибо оно захват (пока ты еще подходишь, оно уже захватило)».

— 0 —

Из воспоминаний о Марине Ивановне.

По материалам Парижского дневника 1938 г. 19-го декабря. В 6 ч. у Цветаевой: 32, rue Pasteur, Hôtel Innova, номер 36-ой, на пятом этаже. Темная передняя, много дверей. Крики, вонь. Стучу наугад: — Эфрон —напротив, чтобы вас черт побрал, monsieur !

С трудом пробираюсь к Марине Ивановне: весь пол уставлен утварью, и я опрокидываю кофейную мельницу.

Ее бледное лицо. Седоватые волосы. Удлиненный горбик носа. Странные птичьи движения: все под прямым углом. Мур — румяный, толстый, рыхлый.

О Гронском: он погиб на той самой станции метро Пастёр, откуда я только что вышел.

— Ему не подали первой помощи, — почему-то ждали пожарных, хотя пожара не было, такое уже правило. Истек кровью... Какой он был? — Весь — порыв, счастливая внешность.

Марина Ивановна заговорила о деле Плевицкой: защищала ее за верность мужу во всем.

Накормила меня обедом (суп, сосиски).

Проиграл Муру партию в шашки. Пошли в кафе.

— Теперь Мур не учится, вытурили его из школы за совращение старших товарищей в коммунизм! Может быть, поеду в Россию: для сына, чтобы он там учился. А писать стихов не буду, займусь переводами.

— Марина Ивановна, расскажите историю моего любимого стихотворения — о Давиде:

Пустоты отроческих глаз! Провалы

В лазурь! Как ни черны — лазурь!

— Москва двадцать первого года. Не растопить буржуйки — дымит, а тепла нет. Каши не сварить, все той же пшенной каши! Стук в дверь. Входит юноша, облаченный в какой-то рогожный мешок. А глаза — очи Давида. Оказалось: поэт, приехавший с юга. Говорю ему: растопите печку! Он растопил и мы заговорились, пшено же подгорело. Стихи его были никакие, но все же — Давид! Миля Миндлин. Принципиальный лентяй...

Недавно прочел его книгу воспоминаний «Необыкновенные собеседники» (1968). Одна глава посвящена Цветаевой. Э.Л. Миндлин рассказывает и о посвящении ему «Отрока» и о том, что позднее это посвящение было снято.

Один изустный миф — о Миле Миндлине, другой — о графе Платене.

— Сицилия. Сплошное солнце, зной. Ослепляет белый песок аллеи. Иду между лаврами. Лавры — черные в этом зное, в этом солнце. Навстречу девочка: делает мне знак. Она немая. Следую

за девочкой. Между черными лаврами, по белому песку выходим на круглую площадку, тоже белую. Посредине белый мрамор, бюст с надписью: August Graf von Platen (1796-1835). А я-то понятия о нем не имела! После этой сицилийской встречи прочла его, от доски до доски!

В утерянную записную книжку она вписывает строчку из Платена. Кажется так:

... mir schlägt das Herz — so hoch
Wie einen Fürsten bei der Tronbesteigung.
(сердце стучит — так сильно;
как у князя, восходящего на престол).

Проговорили часов пять-шесть. Будто век знакомы...

21-го декабря. В 4 часа опять у Цветаевой. Пошли с ней к Гронской, матери погибшего Николая. Дома не застали.

Глаза тускловатые и их почти не видишь. Марина не смотрит на собеседника, говорит опустив голову. Негустые удивленные брови и опять поражают птичьи движения, не округлые, а под углом.

Стихи читает чеканно, но слишком быстро.

— Хотела бы быть дочерью малой страны: Бельгии или Сербии, чтобы все охватить, а Россия слишком велика: не охватишь! Написала бы одну книгу: большую — о маленьком народе.

Рассказывала о Ремизовых, и недоброжелательно: как они еще в России отдали дочку Наташу.

Неожиданно для меня, хорошо отозвалась о Зинаиде Николаевне Гиппаус, и еще лучше о ее сестре Анне Николаевне.

— У Мережковского есть серьезность. Больше того: есть сущность.

Хорошо говорила об Алле Головиной.

— Перед отъездом отдала бы вам некоторые материалы.

— Не отдавайте, Марина Ивановна. Я живу в Печерах, в Эстонии. Вот-вот грянет война и нас оккупирует красная армия. Лучше отдайте Елизавете Эдуардовне Малер, профессору базельского университета.

Так Цветаева и сделала, и до сих пор некоторые ее бумаги хранятся в Базеле.

О стихах:

— Первые две строчки часто самые лучшие и ими следует стихотворение заканчивать. Это мой добрый совет вам...

— Окружающие вещи требуют от меня выражения в поэзии, что и делаю. Делает эту работу не мое личное «я», а рабочее «я» трудолюбивой пчелы, которая самоё себя не осознает.

— Люблю, когда иностранцы коверкают чужой язык, как, например, Эмиль Людвиг: он недавно выступал здесь по радио. Его французский — ломаный. Но тем лучше! Тут открываются какие-то новые возможности. Конечно, так вот говорить нельзя, но почему бы не попробовать: это вроде опыта! Прежде люди говорили без грамматики и возникали новые диалекты: было больше разнообразия.

Сидели в кафе *Bel Air* (avenue du Maine).

Пальтишко с высоким шерстяным воротником по моде двадцатых годов. По-мужски подпоясывается кожаным ремнем. Старенький колпачек с кисточкой. Серебряное кольцо, серебряный браслет.

22-го декабря. Мур спал и я поджидал Марину Ивановну у подъезда отеля Иннова.

Заговорили о Диксоне, рано умершем поэте. Он

Ремизовых обожал и помогал им. Серафима Павловна его будто бы просватала, а когда он женился — выгнала.

— Диксон был необыкновенно красив, так что даже страшно было на него глядеть: ангел!

Марина Ивановна сообщила, что послала в Прагу стихи свои о Чехии.

— Все переведут на чешский язык и даже напечатают вопреки цензуре. Несчастье Чехии — материал для песни: если не сейчас, то позднее запоют...

— Еще скажу вам: вот моя заповедь. — Стреляй в убивающего насильника, но если жертва уже убита, а убийцу преследуют городовые или ажаны, немедленно спрячь его у себя под кроватью! Преследуемый всегда прав, как и убиваемый.

Живет, продавая вещи, а предложила купить мне записную книжку.

— Или подарю вам Шекспира в немецком переводе.

Я отказался.

Привез ей баночку варенья от Е.Э. Малер из Базеля.

— Знаете, Мур всё съел, мне ничего не оставил, и хорошо сделал!

Вспоминала Москву, где училась в музыкальной школе Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке. Там и я учился, и оба мы восхищались этой диковинной фамилией.

— Я поступила туда шести лет. Был у меня почти абсолютный слух.

А когда прощались, Марина Ивановна сказала мне:

— Если не будет accident — еще раз увидимся.

Перечел парижский дневник 1938 г. и стараюсь оживить в памяти те три встречи. Усиливается впечатление и даже уверенность: Марина Ивановна все повторяла, что твердо решила в Россию вернуться, но вместе с тем как будто ждала, что ее отговорят уехать и чуть ли не насильно увезут куда-то — в противоположном направлении. Но никто не отговаривал, не мешал, не увозил.

Юрий Иваск

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАНЪ

Ка кортикъ своемъ : Марика —
Ты кагерталъ, вставъ за Отъизку.
Была я первой и едикой
Въ твоей великолѣпной жизни.

Я помню нозъ и лицъ пресвѣтлѣ
Въ аду солдатскаго вагона,
Я волосы гою по вѣтру,
Я въ ларчикѣ хранию погони.

—
Москва, 18-го декабря 1918 г. *

Надъ церковкой — голубыя облака,
Крикъ вороній . . .
И проходятъ — цвѣта пепла и песка —
Рѣволюціонныя войска.
Охъ ты барская, ты царская моя тоска !

Нѣту лицъ у нихъ и нѣтъ именъ, —
Пѣсенъ нѣту !
Заблудился ты, кремлевскій звонъ,
Въ этомъ вѣтреномъ лѣсу знаменъ.
Помолись, Москва, ложись, Москва
на вѣчный сонъ !

Москва, 2-го марта 1917 г.

* Это стихотворение, являющееся как бы эпиграфом ко всему циклу, воспроизводится нами по автографу из собрания Г. П. Струве. — Ред.

Царю — на Пасху

Настежь, настежь
Царскія врата !
Сгасла, схлынула чернота.
Чистымъ жаромъ
Горить алтарь.
— Христось Воскресе,
Вчерашній царь !

Паль безъ славы
Орель двуглавый.
— Царь ! — Вы были неправы.

Помянёт потомство
Еще не разъ —
Византійское вѣроломство
Вашихъ ясныхъ глазъ.

Ваши судьи —
Гроза и валъ !
Царь ! Не люди —
Васъ Богъ взыскалъ.

Но нынче Пасха
По всей странѣ.
Спокойно спите
Въ своемъ Селѣ,
Не видьте красныхъ
Знаменъ во снѣ.

Царь ! — Потомки
И предки — сонъ.
Есть — котомка,
Коль отнять — тронъ.

Москва, 2-го апрѣля 1917 г., первый день Пасхи.

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексія
Помолись, церковная Россія !

Очи ангельскія вытри,
Вспомяни какъ палъ на плиты
Голубъ углицкій — Димитрій.

Ласковая ты, Россія, мать !
Ахъ, ужели у тебя не хватитъ
На него — любовной благодати ?

Грѣхъ отцовскій не карай на сынѣ.
Сохрани, крестьянская Россія,
Царкосельскаго ягненка — Алексія !

4-го апрѣля 1917 г., третій день Пасхи.

Чуть свѣтаетъ —
Спѣшитъ, сбѣгается
Мышиной стаей
На звонъ колокольный
Москва подпольная.

Покидаютъ норы —
Старухи, воры.
Ведутъ разговоры.

Свѣчи горять.
Сходитъ Духъ
На малыхъ ребятъ,
На полоумныхъ старухъ.
Въ полумракѣ,
Нехотя, кое-какъ
Бормочетъ дьякъ.

Изъ черной тряпицы
Выползають на свѣтъ Божій —
Гроши нищіе,
Гроши острожные,
Потомъ и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на поминъ души
Отложенные.

Такъ, на разсвѣтѣ,
Ставятъ свѣчи,
Вынимають просѣбры —
Старухи, воры:
За животь, за здравіе
Раба Божьяго — Николая.

Такъ, на разсвѣтѣ,
Темный свой пиръ
Справляетъ подполье.

10-го апрѣля 1917 г.

И кто-то, упавъ на карту,
Не слить во снѣ.
Повѣяло Бонапартомъ
Въ моей странѣ.

Кому-то гремятъ раскаты:
— Гряди, женихъ !
Летитъ молодой диктаторъ,
Какъ жаркій вихрь.

Глаза надъ улыбкой шалой —
Что ночь безъ звѣздъ !
Горитъ на мундирѣ впаломъ —
Солдатскій крестъ. *

Народы призывалъ къ покою,
Смирилъ ознобъ —
И дышитъ, зажавъ рукою
Вселенскій лобъ.

21-го мая 1917 г. Троицынъ день.

Изъ строгаго, стройнаго храма
Ты вышла на визгъ площадей . . .
— Свобода ! — Прекрасная Дама
Маркизовъ и русскихъ князей.

Свершается страшная спѣвка, —
Обѣдня еще впереди !
— Свобода ! — Гуляющая дѣвка
На шалой солдатской груди !

26-го мая 1917 г.

(Бальмонтъ, выслушавъ: — Мнѣ не нравится — твое презрѣнiе къ дѣвкѣ ! Я — обиженъ за дѣвку ! Потому-что — (блаженно-заведенные глаза) — иная дѣвка . . .
Я: — Какъ ж а л ь , что я не могу тебѣ отвѣтить: — « Какъ и иной солдатъ . . . »)

Голубья, какъ небо, воды,
И серебряныхъ двѣ руки.
Мало лѣтъ — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-рѣки.

* Крестъ, на какомъ-то собранiи, сорванный съ груди солдатомъ и надѣтый на грудь Керенскому. См. газеты лѣта 1917 г.

Лодки плыли, гудки гудѣли,
Распоясанный брель солдатъ.
Ребятишки дрались и пѣли
На отцовскій унылый ладъ.

На ревнителѣй бога Марса
Ты тихонько кривила ротъ.
Ледяными глазами барса
Ты глядѣла на этотъ сбродъ.

Былъ твой ликъ среди этихъ, темныхъ,
До сіянья, до блеска — бѣлъ.
Не забуду — а ты не вспомнишь —
Какъ одинъ на тебя глядѣлъ.

6-го іюня 1917 г.

(NB ! съ ненавистью — какъ мнѣ тогда показалось, и весь этотъ стихъ — отвѣтъ на этотъ — классовой ненависти — взглядъ. МЦ — 1938 г. — при перепискѣ).

Юнкерамъ, убитымъ въ Нижнемъ

Сабли взмахъ —
И вздохнули трубы тяжело —
Провожать
Легкій прахъ.
Съ вѣткой зелени фуражка —
Въ головахъ.

Глуше, глуше
Празднѣй гулъ.
Отдадимъ послѣдній долгъ
Тѣмъ, кто долгу отдалъ — душу.
Гуль — смолкъ.
— Слуша-ай ! На — кра-уль

Три фуражки.
Трубный звонъ.

Рвется сердце.
— Какъ, безъ шашки ?
Безъ погонь
Офицерскихъ ?
Поутру —
Въ безымянную дыру ?

Смолкли трубы.
Доброй ночи —
Вамъ, разорванные въ клочья —
На посту !

17-го іюля 1917 г.

Ночь. — Нордъ-Остъ. — Ревъ солдатъ. —
Ревъ волнъ.

Разгромили винный складъ. — Вдоль стѣнъ
По канавамъ — драгоцѣнный потокъ,
И кровавая въ немъ пляшетъ луна.

Ошалѣлые столбы тополей.
Ошалѣлое — въ ночи — пѣнье птицъ.
Царскій памятникъ вчерашній — пусть,
И надъ памятникомъ царскимъ — ночь.

Гавань пьеть, казармы пьютъ. Міръ — нашъ !
Наше въ княжескихъ подвалахъ вино !
Целый городъ, топоча какъ быкъ,
Къ мутной лужѣ припадая — пьеть.

Въ винномъ облакѣ — луна. — Кто здѣсь ?
Будь товарищемъ, красотка: пей !
А по городу — веселый слухъ :
Где-то двое потонули въ вине.

Ееодосія, послѣдніе дни Октября.
(NB ! Птицы были — пьянныя).

Плохо сильнымъ и богатымъ,
Тяжко барскому плечу.
А вотъ я передъ солдатомъ
Свѣтлыхъ глазъ не опущу.

Городъ буйствуетъ и стонетъ,
Въ винномъ облакѣ — луна.
А меня никто не тронетъ:
Я надменна и бѣдна.

Ееодосія, конецъ Октября.

Корниловъ

... Сынъ казака, казакъ ...
Такъ начиналась — рѣчь.
— Родина. — Врагъ. — Мракъ.
Всѣмъ головами лечь.
Бейте, попы, въ набать.
— Нечего ѣсть. — Честь.
— Не терять ни дня!
Долженъ солдатъ
Чистить коня ...

4-го декабря 1917 г.

NB ! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдатъ долженъ чистить своихъ лошадей !» (Москва, лѣто 1917 г. — рѣчь на Московскомъ Совѣщаніи) — куда дороже всего Керенскаго (какъ мы тогда говорили).

Москва

1

Когда рыжеволосый Самозванецъ
Тебя схватилъ — ты не согнула плечъ.
Гдѣ спѣсь твоя, княгинюшка ? — Румянецъ,
Красавица ? — Разумница, — гдѣ рѣчь ?

Какъ Петръ-Царь, презрѣвъ законъ сѣиновнїй,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровняхъ
Ты отвѣчала Русскому Царю.

Не позабыли огненнаго пойма
Буонапарта хладныя уста.
Не въ первый разъ въ твоихъ соборахъ — стояла.
Все вынесутъ кремлевскіе бока.

9-го декабря 1917 г.

2

Гришка-Воръ тебя не ополячилъ,
Петръ-Царь тебя не онѣмчилъ.
Что ты дѣлаешь, голубка ? — Плачу.
Гдѣ же спѣсь твоя, Москва ? — Далече.

— Голубочки гдѣ твои ? — Нѣтъ корму.
— Кто унесъ его ? — Да воронъ черный.
— Гдѣ кресты твои святые ? — Сбиты.
— Гдѣ сыны твои, Москва ? — Убиты.

10-го декабря 1917 г.

Жидкій звонъ, постный звонъ.
На всѣ стороны — поклонъ.

Крикъ младенца, ревъ коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плёттокъ свистъ и снѣгъ въ крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокотъ тихій.
Черные глаза Стрѣльчихи.

10-го декабря 1917 г.

Кровныхъ коней запрягайте въ дровни !
Графскія вина пейте изъ лужъ !
Единодержцы штыковъ и душъ !
Распродавайте — на вѣсъ — часовни,
Монастыри — съ молотка — на сломъ.

Рвитесь на лошади въ Божій домъ !
Перепивайтесь кровавымъ пойломъ !

Стойла — въ соборы ! Соборы — въ стойла !
Въ чортову дюжину — календарь !
Насъ подъ рогожу за слово: царь !

Единодержцы грошей и часа !
На куполахъ вымѣщайте злость !
Распродавая насъ всѣхъ на мясо,
Рабъ худородный увидитъ — Расу:
Черная кость — бѣлую кость.

Москва, 9-го марта 1918 г. Первый день весны.



ARMY AND NAVY
YOUNG MEN'S CHRISTIAN ASSOCIATION



"WITH THE COLORS",
Изъ книги Л. Лебедевскаго "СѢНЬ".

I.

Кровныхъ коней запрягайте въ дровни!

Графика въ пика пейте изъ лужи!

— Единодержцы штыковъ и бунтъ! —

Распродавайте на всехъ часовни,
Монастыри — съ молотка! — на сломъ.

Рвитеся на лошади въ Божіи домъ!

Переживайте кровавыми поблдомъ!

Стойна — въ соборы! Соборы — въ стойла!

Въ тортову бюжнику — календарь!

Насъ повеь рогону за слово: царь!

Бѣликобернцы грошей и тася!

На куполахъ вымѣщайте злость!

Распродавая насъ ребѣхъ на мясо

Рабѣ кураторный члвквнтъ — расч.

Черная кость — бѣлая кость.

Москва, 9^{го} марта 1918 г., Ввска.

Донз

1

Бѣлая гвардія, путь твой высокъ:

Черному дулу — грудь и високъ.

Божье да бѣлое твое дѣло:

Бѣлое тѣло твое — въ песокъ.

Не лебедей это въ небѣ стая:

Бѣлогвардейская рать святая

Бѣлымъ видѣніемъ таетъ, таетъ...

Стараго міра — послѣдній сонъ:

Молодость — Доблесть — Вандея — Донъ.

11-го марта 1918 г.

* Воспроизводимые в виде факсимиле стихотворения печатаются по рукописи М. Цветаевой, присланной для публикации в «Русской Мысли» и сохранившейся в архиве Г. П. Струве.

Кто уцѣлѣлъ — умереть, кто мертвъ, —
воспрянетъ.

И вотъ потомки, вспомнивъ старину:
— Гдѣ были вы? — Вопросъ какъ
громомъ грянетъ,
Отвѣтъ какъ громомъ грянетъ: — На Дону!

— Что дѣлали? — Да принимали муки,
Потомъ устали и легли на сонъ.
И въ словарь задумчивые внуки
За словомъ: долгъ напишутъ слово: Донъ.

17-го марта 1918 г.

(Сбоку приписка М. И. Цветаевой: NB! мои любимые. —
Р е д .)

Волны и молодость — внѣ закона!
Тронулся Донъ. — Погибаемъ. — Тонемъ.
Вѣтру вѣковъ довѣряемъ снести
Внукамъ — лихую вѣсть:

Да! Проломилась донская глыба!
Бѣлая гвардія — да! — погибла.
Но покидая дѣтей и женъ,
Но уходя на Донъ,

Бѣлою стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!
Перекрестясь на послѣдній храмъ
Бѣлогвардейская рать — вѣкамъ.

Москва, Благовѣщеніе 1918 г. — дни разгрома Дона.

Идетъ по луговинамъ литія.
Таинственная книга бытія
Россійскаго — гдѣ судьбы міра скрыты —
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщетъ вѣтеръ, рыщетъ по степи:
— Россія ! — Мученица ! — Съ миромъ — спи !

17-го марта 1918 г.

Трудно и чудно — вѣрность до гроба !
Царская роскошь — въ вѣкъ площадей !
Стойкія души, стойкія ребра, —
Гдѣ вы, о люди минувшихъ дней ? !

Рыжимъ татаринкомъ рыщетъ вольность,
Съ прахомъ равняя алтарь и тронъ.
Надъ пепелищами — ревъ застольный
Бѣглыхъ солдатъ и невѣрныхъ женъ.

29-го марта 1918 г.

Трудно и чудно — вѣрность до гроба !
Царская роскошь — въ вѣкъ площадей !
Стойкія души, стойкія ребра, —
Гдѣ вы, о люди минувшихъ дней ? !

Рыжимъ татаринкомъ рыщетъ вольность,
Съ прахомъ равняя алтарь и тронъ.
Надъ пепелищами ревъ застольный
Бѣглыхъ солдатъ и невѣрныхъ женъ.

29-го марта 1918 г.

Андрей Шенье

1

Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ.
А я живу — и это страшный грѣхъ.
Есть времена — желѣзныя — для всѣхъ.
И не пѣвецъ, кто въ порохѣ — поетъ.

И не отецъ, кто съ сына у воротъ
Дрожа срываетъ воинскій доспѣхъ.
Есть времена, гдѣ солнце — смертный грѣхъ.
Не человѣкъ — кто въ наши дни — живетъ.

4-го апрѣля 1918 г.

2

Не узнаю в темнотѣ
Руки — свои иль чужія ?
Мечется въ страшной мечтѣ
Черная Консьержерія.

Руки роняютъ тетрадь,
Щупаютъ тонкую шею.
Утро крадѣтся какъ тать.
Я дописать не успѣю.

4-го апрѣля 1918 г.

... О, самозванцевъ жалкія усилья !
Какъ сонъ, какъ снѣгъ, какъ смерть —
святыни — всѣмъ.

Запретъ на Кремль ? Запрета нѣтъ на
крылья !
И потому — запрета нѣтъ на Кремль !

Страстной понедѣльникъ 1918 г.

Коли въ землю солдаты всадили — штыкъ,
Коли красною тряпкой затмили — Лик *,
Коли Богъ подъ ударами — глухъ и нѣмъ,
Коль на Пасху народъ не пустили въ Кремль —

Надо бражникамъ старымъ засѣсть за холстъ,
Рыбамъ — пѣть, бабамъ — умствовать, птицамъ
— ползть,
Конь на всадникѣ долженъ скакать верхомъ,
Новорожденныхъ надо поить виномъ, **

Рѣки — жечь, мертвецовъ выносить — въ окно,
Солнце красное въ полночь всходить должно,
Имя суженой долженъ забыть женихъ . . .
Государынямъ нужно любить — простыхъ ***

3-й день Пасхи 1918 г.

* Красный флагъ, к-ымъ завѣсили ликъ Николая Чудотворца. Продолженіе извѣстно.

** Поили: г-жу де Жанлисъ. Въ Бургундіи. Называлось « la miaulée ». И жила, кажется, до 90-ста лѣтъ. Но была ужасная лицемѣрка.

*** — Любили.

Это просто, какъ кровь и потъ:
Царь — народу, царю — народъ.

Это ясно, какъ тайна двухъ:
Двое рядомъ, а третій — Духъ:

Царь съ небесъ на престолъ взведенъ:
Это чисто, какъ снѣгъ и сонъ.

Царь опять на престолъ взойдетъ —
Это свято, какъ кровь и потъ.

24-го апрѣля 1918 г., 3-й день Пасхи (а оставалось ему
жить меньше трехъ мѣсяцевъ!).

9.

Это просто какъ кровь и потъ:
Царь — народу, царю — народъ.

Это ясно какъ тайна двухъ:
Двое рядомъ, а третій — Духъ.

Царь съ небесъ на престолъ взведенъ:
Это чисто какъ снѣгъ и сонъ.

Царь опять на престолъ взойдетъ, —
Это свято какъ кровь и потъ.

Москва, 24^{го} апрѣля 1918 г.,
третій день Пасхи.

Марина Цвѣткова.

Орелъ и архангелъ ! Господень громъ !
Не храмъ семиглавый, не царскій домъ
Да будетъ тебѣ гнѣздомъ.

Нѣтъ, — Красная площадь, гдѣ весь народъ !
И — Лобное мѣсто сравнивъ — въ походъ:
Птенцовъ — собирать — сиротъ.

Народъ обезглавленъ и ждетъ главы.
Ужъ воздуху нѣту ни въ чьей груди.
Архангелъ ! — Орелъ ! — Гряди !

Не зарева рыщутъ, не вихрь встаетъ,
Не радуга пышетъ съ небесъ, — то Петръ
Птенцамъ производитъ смотръ.

24-го апрѣля 1918 г., третій день Пасхи.

Московскій гербъ: герой пронзаетъ гада.
Драконъ въ крови. Герой въ лучѣ. — Такъ надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди съ воротъ, Господень часовой !

Верни намъ вольность, Воинъ, имъ — животъ.
Стражъ роковой Москвы — сойди с воротъ !

И докажи — народу и дракону —
Что спятъ мужи — сражаются иконы.

Богъ — правъ
Тлѣніемъ травъ,
Сухостью рѣкъ,
Воплемъ калѣкъ,

Воромъ и гадомъ,
Моромъ и гладомъ,
Срамомъ и смрадомъ,
Громомъ и градомъ.

Подпраннымъ Словомъ.
Проклятымъ годомъ.
Плѣномъ царёвымъ.
Вставшимъ народомъ.

29-го апрѣля 1918 г.

(NB ! Очевидно, нужно понять: Богъ всё-таки правъ,
правъ — вопреки).

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы надъ Сыномъ.
Семь мечей пронзили сердце.
А мое — семижды семь.

Я не знаю, живъ ли, нѣтъ ли
Тотъ, кто мнѣ дороже сердца,
Тотъ, кто мнѣ дороже Сына . . .

Этой пѣсней — утѣшаюсь.
Если встрѣтится — скажи.

12-го мая 1918 г.

Мракобѣсіе. — Смерчъ. — Содомъ.
Берегите Гнѣздо и Домъ.
Долгъ и Вѣрность спустивъ съ цѣпи,
Человѣкъ молодой — не спи !
Въ воротахъ, какъ Благая Вѣсть,

Бѣлымъ стражемъ да встанетъ — Честь.

Обведите свой домъ — межей,
Да не внідетъ въ него — Чужой.
Берегите отъ злобы волнь
Садикъ сына и дѣдовъ холмъ.
Подъ ударами злой судьбы —
Выше — прадѣдовы дубы !

24-го мая 1918 г.

Бѣлизна — угроза Чернотѣ.
Бѣлый храмъ грозитъ гробамъ и грому.
Блѣдный праведникъ грозитъ Содому
Не мечомъ — а лиліей въ щитѣ !

Бѣлизна ! Нерукотворный кругъ !
Чанъ крестильный ! Вѣщія сѣдины !
Червь и чернь узнаютъ Господина
По цвѣтку, цвѣтущему изъ рукъ.

Только агнца убоится — волкъ,
Только ангелу сдается крѣпость.
Торжество — въ подвалахъ и въ вертепахъ !
И взойдетъ въ Столицу — Бѣлый полкъ !

25-го мая 1918 г.

— Гдѣ лебеди ? — А лебеди ушли.
— А вѣроны ? — А вѣроны — остались.
— Куда ушли ? — Куда и журавли.
— Зачѣмъ ушли ? — Чтобъ крылья не достались.

— А папа гдѣ? — Спи, спи, за нами Сонъ,
Сонъ на степномъ конѣ сейчасъ приѣдетъ.
— Куда возьметъ? — На лебединый Донъ.
Тамъ у меня — ты знаешь? — белый лебедь.

27-го іюля 1918 г.

Бѣлогвардейцы! Гордіевъ узель
Доблести русской!
Бѣлогвардейцы! Бѣлые грузди
Пѣсенки русской!
Бѣлогвардейцы! Бѣлыя звѣзды!
Съ неба не выскрести!
Бѣлогвардейцы! Черные гвозди
Въ ребра Антихристу!

27-го іюля 1918 г.

Надобно смѣло признаться, Лира!
Мы тяготѣли къ великимъ міра:
Мачтамъ, знаменамъ, церквамъ, царямъ,
Бардамъ, героямъ, орламъ и старцамъ.
Такъ, присягнувши на вѣрность — царствамъ,
Не довѣряютъ Шатра — вѣтрамъ.
Знаешь царя — такъ пса не жалуй!
Вѣрность какъ якоремъ насъ держала:
Вѣрность величию — винѣ — бѣдѣ,
Вѣрность великой винѣ вѣнчанной!
Такъ, присягнувши на вѣрность — Хану,
Не присягаютъ его ордѣ.
Вѣтренный вѣкъ мы застали, Лира!
Вѣтеръ въ клоки изодралъ мундиры,

Треплеть послѣдній лоскутъ Шатра...
Новыя толпы — иные флаги !
Мы жъ остаемся вѣрны присягѣ,
Ибо дурные вожди — вѣтра.

1-го августа 1918 г.

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты !
Что Чингисъ-Ханъ ей и что — Орда !
Два на міру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитыхъ :
Голодъ голодныхъ — и сытость сытыхъ !

5-го августа 1918 г.

Подъ рокоть гражданскихъ бурь,
Въ лихую годину,
Даю тебѣ имя — миръ,
Въ наслѣдье — лазурь.

Отыйди, отыйди, Врагъ !
Храни, Троединый,
Наслѣдницу вѣчныхъ благъ
Младенца Ирину !

26-го августа 1918 г.

Колыбель, овѣянная краснымъ !
Колыбель, качаемая чернью !
Громъ солдатъ — вдоль храмовъ — за вечерней..
А ребенкомъ вырастетъ — прекраснымъ.

Съ молокомъ кормилицы рязанской
Онъ всосалъ наслѣдственныя блага:
Трвединство Господа — и флага,
Русскій гимнъ — и русскія пространства.

Въ нужный день, на Божьемъ солнцѣ ясномъ,
Вспомнить долгъ дворянскій и дочерній —
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, овѣянная краснымъ !

(Моя вторая дочь Ирина — родилась 13-го апрѣля 1917 г., умерла 2-го февраля 1920 г. въ Срѣтеніе, отъ голода, въ Кунцевскомъ дѣтскомъ приютѣ).

26-го августа 1918 г.

Ты далъ намъ мужества —
На сто жизней !
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.

И ребра — стойкія
На мытарства:
Дабы на койкѣ намъ
Помнить — Царство !

Свое подобье
Ты въ небо поднялъ —
Великой вѣрой
Въ свое подобье.

Такъ дай намъ вздоху
И дай намъ поту —
Дабы снести намъ
Твои щедроты !

17-го сентября 1918 г.

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди — цѣною въ три угодя —
Господомъ пожалованный орденъ.

Нынче праздникъ слугъ нелицемѣрныхъ:
Цѣлый дождь — въ подхваченныя полы!
Это Царь съ небеснаго престола
Орденами одѣляетъ — вѣрныхъ.

Руки прочь, народъ! Моя — добыча!
И сіяетъ на груди суровой
Страстный знакъ Величья и Отличья,
Орденъ Льва и Солнца — листъ кленовый.

25-го сентября 1918 г., Сергіевъ день.

Надъ черною пучиной водною —
Послѣдній звонъ.
Лавиною простонародною
Низринуть тронъ.

Волочится кровавымъ вѣлокомъ
Пурпуръ царей.
Греми, греми, послѣдній колоколь
Русскихъ церквей!

Кропите, слезныя жемчужинки,
Тронъ и алтарь.
Крѣпитесь, вѣрные содружники:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
— Царствіе ! — Будь !
Отъ колокола содрогаются
Городъ и грудь.

26-го сентября 1918 г. день Іоанна Богослова.

Бури-вьюги, вихри-вѣтры васъ взлелѣяли,
А останетесь вы въ пѣснѣ — бѣлы-лебеди !

Знамя, шитое крестами, въ саванъ выцвѣло.
А и будетъ ваша память — бѣлы-рыцари.

И никто изъ васъ, сынки ! — не воротится,
А ведетъ ваши полки — Богородица !

12-го октября 1918 г.

Царь и Богъ ! Простите малымъ —
Слабымъ — глупымъ — грѣшнымъ —
шалымъ,
Въ страшную воронку втянутымъ,
Обольщеннымъ и обманутымъ, —

Царь и Богъ ! Жестокой казню
Не казните Стеньку Разина !

Царь ! Господь тебѣ отплатить !
Съ насъ сиротскихъ воплей — хватить !
Хватить, хватить съ насъ покойниковъ !
Царскій Сынъ, — прости Разбойнику !

Въ отчій домъ — дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина !

Разинъ ! Разин ! Сказъ твой сказанъ !
Красный звѣрь смирёнъ и связанъ.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удалъ несуразную —
Развяжите Стеньку Разина !

Родина ! Истокъ и устье !
Радость ! Снова пахнетъ Русью !
Просіяйте, очи тусклыя !
Веселися, сердце русское !

Царь и Богъ ! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина !

Москва, 1-ая годовщина Октября. Дни, когда Мамонтовъ подходилъ къ Москвѣ — и вся буржуазія мѣняла керенскія на царскія — а я одна не мѣняла (не только потому, что ихъ не было, но и) потому что знала, что не войдетъ въ Столицу — Вѣлый Полкъ !

Память А. А. Стаховица

A Dieu — mon âme,
Mon corps — au Roy,
Mon cœur — aux Dames,
L'honneur — pour moi.

1

Не отъ запертыхъ на семь замковъ пекаренъ
И не отъ заледенѣлыхъ печекъ —
Барскимъ шагомъ — распрямляя плечи —
Ты сошелъ въ могилу, русскій баринъ !

Старый міръ пылалъ. Судьба свершалась.
— Дворянинъ, дорогу — дровосѣку! *
Чернь цвѣла . . . А вблизи тебя дышалось
Воздухомъ Осьмнадцатаго Вѣка.

И пока, съ дворцовъ срывая крыши,
Чернь рвалась къ добычѣ вождельной —
Вы bon ton, maintien, tenue — мальчишекъ
Обучали — подъ разгромъ вселенной!

Вы не вышли къ черни съ хлѣбомъ-солью,
И скрестились — отъ дворянской скуки! —
Въ черномъ царствѣ трудовыхъ мозолей —
Ваши восхитительныя руки.

Москва, мартъ 1919 г.

(NB! Даже трудъ можетъ быть — отвратителенъ: даже
— чужой! если онъ в любовь — навязанъ и въ слово-
словіе — вмѣненъ. МЦ — тогда и всегда).

2

Высокой горести моей —
Смиренные слѣды:
На синей варежкѣ моей —
Двѣ восковыхъ слезы.

Въ продрогшей цѣрковкѣ — морозъ,
Парь отъ дыханья — густъ.
И съ синимъ ладаномъ слилось
Дыханье нашихъ устъ.

* Если бы — дровосѣку!

Отмѣтили ли Вы, дружокъ,
— Смирениѣ всего —
Среди другихъ дымковъ — дымокъ
Дыханья моего ?

Безукоризненностью рукъ
Во всемъ родномъ краю
Прославленный — простите, другъ,
Что въ варежкахъ стою !

Мартъ 1919 г.

Аль

Въ шитой серебромъ рубашечкѣ,
— Грудь какъ звѣздами унизана ! —
Голова — цвѣточной чашечкой
Изъ серебрянаго вырѣза.

Очи — два пустынныхъ озера,
Два Господнихъ откровенія —
На лицѣ, туманно-розовомъ
Отъ Войны и Вдохновенія.

Ангель — ничего — всё ! — знающій,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мнѣ —
Тоже Ангела и Воина.

Можетъ — всё мое достоинство —
За руку съ тобою странствовать.
— Помолись о нашемъ Воинствѣ
Завтра утромъ, на Казанскую !

5-го іюля 1919 г.

Хочешь знать, какъ дни проходятъ,
 Дни мои въ странѣ обидъ ?
 Двѣ руки пилою водятъ,
 Сердце — имя говоритъ.

Эхъ ! Прошелъ бы ты по дому —
 Зналъ бы ! Такъ въ ночи пою,
 Точно по чему другому —
 Не по дереву — пилою.

И чудятъ, чудятъ пилою
 Руки — вольныя досель.
 И мететь, мететь метлою
 Богородица-Метель.

Ноябрь 1919 г.

Дорожкой простонародною,
 Смиренною, богоугодною,
 Идемъ — свободныя, немодныя,
 Душой и тѣломъ — благородныя.

Сбылися древнія пророчества:
 Гдѣ вы — Величества ? Высочества ?

Мать съ дочерью идемъ — двѣ странницы.
 Чернь черная навстрѣчу чванится.
 Быть-можетъ — вздохъ отъ насъ останется,
 А можетъ — Богъ на насъ оглянется . . .

Пусть будетъ — какъ Е м у захочется:
 Мы не Величества, Высочества.

Такъ, скромныя, богоугодныя,
Душой и тѣломъ — благородныя,
Дорожкой простонародною —
Такъ, доченька, къ себѣ на родину:

Въ страну Мечты и Одиночества —
Гдѣ мы — Величества, Высочества.

(Вписываю по памяти и думаю, что осень 1919 г.).

Бальмонту

Пышно и безстрастно вянуть
Розы нашего румянца.
Лишь камзолъ тѣснѣ стянуть:
Голодаемъ какъ испанцы.

Ничего не можемъ даромъ
Взять — скорѣе гору сдвинемъ !
И ко всѣмъ гордынямъ старымъ —
Голодъ: новая гордыня.

Въ вывернутой наизнанку
Мантии Враговъ Народа
Утверждаемъ всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спѣси не перешибило
Скакуну. Какъ бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будетъ нашъ отвѣтъ у входа
Въ Рай, подъ деревцемъ миндальнымъ:
— Царь ! На пиршествѣ народа
Голодали — какъ гидальго !

Ноябрь 1919 г.

Блоку

Какъ слабый лучъ сквозь черный мѡрокъ адовъ —
Такъ голосъ твой подъ рокоть рвущихся
снарядовъ. *

И вотъ, въ громахъ, какъ нѣкій серафимъ,
Оповѣщаетъ голосомъ глухимъ

— Откуда-то изъ древнихъ утръ туманныхъ —
Какъ насъ любилъ, слѣпыхъ и безымянныхъ,

За синій плащъ, за вѣроломства — грѣхъ...
И какъ — вѣрнѣе всѣхъ — тѣ, глубже всѣхъ

Въ ночь канувшую — на дѣла лихія!
И какъ не разлюбилъ тебя, Россія!

И вдоль виска — потеряннымъ перстомъ —
Всѣ водить, водить... И еще о томъ,

Какіе дни насъ ждуть, какъ Богъ обманетъ,
Какъ станешь солнце звать — и какъ не
встанетъ...

Такъ, узникомъ съ собой наединѣ,
(Или ребенокъ говорить во снѣ?)

Предстало намъ — всей площаді широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

Апрѣль 1920 г.

*Достовѣрно: подъ звуки взрывовъ съ Ходынки и стекольный дождь, подъ к-ымъ шли — онъ на эстраду, мы — въ залъ. Но, помимо этой достовѣрности — подъ рокоть рвущихся снарядовъ Революціи.

Ех-ci-devant
(отзвукъ Стаховича)

Хоть сто мсолоей — трехъ вѣковъ не скроешь !
Рукъ не исправишь — топоромъ рубя !
О, откровеннѣйшее из сокровищъ :
Порода ! — узнаю Тебя.

Какъ ни коптись надъ ржавой сковородкой —
Все вокругъ тебя твоихъ Версалея — тишь.
Нѣтъ, самую косою косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Надъ снѣжнымъ валомъ иль надъ трубной сажей
Дугой согбенъ, всё жъ — гордая спина !
Не окрикомъ, — всё той же барской блажью
Тебѣ работа задана.

Вымѣнивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирозъ —
Все равенство нарушить — носъ горбатый :
Ты — горбоносъ, а онъ — курносъ.

Но если вдругъ, утомлено получкой,
Тебѣ дитя цвѣтокъ протянетъ — въ дань,
Ты такъ же поцѣлуешь эту ручку,
Какъ нѣкогда — Царицы длань.

Юль 1920 г.

Петру

Вся жизнь твоя — въ единомъ крикѣ :
— На дѣдовъ — за сыновъ !
Нѣтъ, Государь Распровеликій,
Распорядитель сновъ,

Не на своихъ сыновъ работалъ, —
Бѣсамъ на торжество ! —
Царь-Плотникъ, не стирая пота
Съ обличья своего.

Не ты бѣ — все по сугробамъ санки
Тащилъ бы мужичекъ.
Не гнилъ бы тамъ на полустанкѣ
Послѣдній твой внучекъ *.

Не ладилъ бы, лба не подъемля,
Ребятчихъ кораблѣвъ —
Вся Русь твоя святая въ землю
Не шла бы безъ гробовъ.

Ты подъ котель кипящій этотъ —
Самъ подложилъ углей !
Родоначальникъ — ты — Совѣтовъ,
Ревнитель Ассамблей !

Родоначальникъ — ты — развалинъ,
Тобой — скиты горять !
Твоею же рукой проваленъ
Твой баснословный градъ . . .

Соль высолилъ, измылилъ мыльце —
Ты, Государь-кустарь !
Державнаго однофамильца
Кровь на тебѣ, бунтарь !

* Въ Москвѣ тогда думали, что Царь разстрѣлянъ на какомъ-то уральскомъ полустанкѣ.

Но нѣтъ ! Конецъ твоимъ затѣямъ !
У брата есть — сестра . . .
— На Интернаціональ — за теремъ !
За Софью — на Петра !

Августъ 1920 г.

Есть въ станѣ моемъ — офицерская прямота,
Есть въ ребрахъ моихъ — офицерская честь.
На всякую мѹку иду не упрямясь:
Терпѣнье солдатское есть !

Какъ будто когда-то прикладомъ и сталью
Мнѣ выправили этотъ шагъ.
Недаромъ, недаромъ черкесская талья
И тѣсный ремѣнный кушакъ.

А зорю заслышу — Отецъ ты мой рѹдный ! —
Хоть райскія — штурмомъ — врата !
Какъ будто нарочно для сумки походной —
Раскинутыхъ плечъ широта.

Всѣ можетъ — какой инвалидъ ошалѣлый
Надъ люлькой мнѣ пѣсенку спѣлъ . . .
И что-то отъ этого дня — уцѣлѣло:
Я слово беру — на прицѣль !

И такъ мое сердце надъ Рэ-сэ-фэ-сэромъ
Скрежещетъ — корми-не корми !
Какъ будто сама я была офицеромъ
Въ Октябрьскіе смертные дни.

Сентябрь 1920 г.

(NB ! Эти стихи въ Москвѣ назывались « про красного офицера », и я полтора года съ неизмѣннымъ громкимъ успѣхомъ читала ихъ на каждомъ выступленіи по неизмѣнному вызову курсантовъ).

Объ ушедшихъ — отошедшихъ —
Въ горній лагерь перешедшихъ,
Въ бѣлый станъ тотъ журавлиный —
Голубиный — лебединый —

О тебѣ, моя высь,
Говорю — отзовись !

О молодыхъ дубовыхъ рощахъ
Въ небо росшихъ — и не взрослыхъ,
Объ упавшихъ и не вставшихъ, —
Въ вѣчность перекочевавшихъ, —

О тебѣ, наша Честь,
Воздыхаю — дай вѣсть !

Каждый вечеръ, каждый вечеръ
Руки вамъ тяну навстрѣчу.
Тамъ, въ просторахъ голубиныхъ —
Сколько у меня любимыхъ !

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси !

Сентябрь 1920 г.

(Взятіе Крыма)

И страшные мнѣ снятся сны:
Телѣга красная,
За ней — согбенные — моей страны
Идутъ сыны.

Золотокудраго въздѣвъ
Ребенка — матери
Вопятъ. На паперти
На стягъ

Пурпуровый маша рукой безпалой,
Вопить калѣка, тряпкой алой
Горить безногаго костыль,
И красная — до неба — пыль.

Колеса ржавыя скрипятъ.
Конь пляшетъ, взбѣшенный.
Всѣ окна флагами кипятъ.
Одно — завѣшено.

Ноябрь 1920 г.

Буду выпрашивать воды широкаго Дона,
Буду выпрашивать волны турецкаго моря,
Смутное солнце, что въ каждомъ бою имъ свѣтило,
Гулкія выси, гдѣ воронъ, насытившись, дремлетъ.

Скажетъ мнѣ Донъ: — Не видалъ я такихъ
загорѣлыхъ !
Скажетъ мнѣ море: — Всѣхъ слезъ моихъ плакать
— не хватить !
Солнце въ ладони уйдетъ, и прокаркаетъ воронъ:
Трижды сто лѣтъ живу — кости не видѣлъ бѣлѣ!

Я журавлемъ полечу по казачьимъ станицамъ:
Плачутъ! — дорожную пыль допрошу: прово-
жаетъ !
Машетъ ковыль-трава вслѣдъ, распушила султа-
ны.
Красенъ, охъ, красенъ кизиль на горбу Перекопа!

Всѣхъ допрошу: тѣхъ, кто съ миромъ въ ту
лютую пору

Въ люлькѣ мотались.

Черепъ въ камняхъ — и тому не уйти отъ допросу:
Бѣлый походъ, ты нашель своего лѣтописца.

Ноябрь 1920 г.

Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ,
бѣлый груздь !

То шатаясь причитаетъ въ полѣ
— Русь.

Помогите — на ногахъ нетверда !
Затуманила меня кровь-руда !

И справа и слѣва
Кровавые зѣвы,
И каждая рана:
— Мама !

И только и это
И внятно мнѣ, пьяной.
Изъ чрева — и въ чрево:
— Мама !

Всѣ рядкомъ лежать —
Не развестъ межой.
Поглядѣть: солдатъ.
Гдѣ свой, гдѣ чужой ?

Бѣлый былъ — краснымъ сталь:
Кровь обагрила.
Краснымъ былъ — бѣлый сталь:
Смерть побѣлила.

— Кто ты? — бѣлый? — не пойму!
— привстань!
Аль у красныхъ пропадашь?
— Ря-азань.

И справа и слѣва
И сзади и прямо
И красный и бѣлый:
— Мама !

Безъ воли — безъ гнѣва —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама !

Декабрь 1920 г.

Плачь Ярославны

Вопль стародавній,
Плачь Ярославны —
Слышите ?

Съ башенной вышечки
Неперерывный
Вопль — неизбывный:

— Игорь мой ! Князь
Игорь мой ! Князь
Игорь !

Воронъ, не сглазь
Глазь моихъ — пусть
Плачуть !

Солнце, мечи
Стрѣлы въ нихъ. — пусть
Слѣпнуть !

Кончена Русь !
Игорь мой ! Русь !
Игорь !

Лжетъ лѣтописецъ, что Игорь опять въ домъ свой
Солнцемъ взошелъ — обманулъ насъ Баянъ
льстивый.

Знаешь конецъ ? Тамъ, гдѣ Донъ и Донецъ —
плещуть,
Паль межъ знаменъ Игорь на сонъ — вѣчный.

Белое тѣло его — воронъ клевалъ.
Бѣлое дѣло его — вѣтеръ сказалъ.

Подымайся, вѣтеръ, по оврагамъ,
Подымайся, вѣтеръ, по равнинамъ,
Торопись, вѣтрило-вихрь-бродяга,
Надъ тѣмъ Дономъ, бѣлымъ Дономъ лебединымъ !

Долетай до городской до стѣнки,
Съ кѣей по міру несется плачь надгробный.
Не гляди, что подгибаются колѣнки,
Что тускнѣетъ ея ликъ солнцеподобный . . .

— Вѣтеръ, вѣтеръ !
— Княгиня, вѣсть !
Князь твой мертвый лежитъ —
За честь !

Вопль стародавній,
Плачь Ярославны —
Слышите ?
Вопль ея — ярый,
Плачь ея, плачь —
Плавный:

— Кто мнѣ заздравную чару
Изъ рукъ — выбилъ ?
Старой не быть мнѣ,
Подъ камешкомъ гнить,
Игорь !

Дёрномъ-глиной заткните ротъ
Алый мой — нонче жъ.
Конченъ
Бѣлый походъ.

23-го декабря 1920 г.

Съ Новымъ Годомъ, Лебединый станъ !
Славные обломки !
Съ Новымъ Годомъ — по чужимъ мѣстамъ —
Воины съ котомкой !

Съ пѣной у рта пляшетъ, не догнавъ,
Красная погоня !
Съ Новымъ Годомъ — битая — въ бѣгахъ
Родина съ ладонью !

Приклонись къ землѣ — и вся земля
Пѣсню заздравной.
Это, Игорь, — Русь черезъ моря
Плачетъ Ярославной.

Томнымъ стономъ утомляетъ грусть:
— Братъ мой! — Князь мой! — Сынъ мой!
— Съ Новымъ Годомъ, молодая Русь
За моремъ за синимъ !

Москва, 31-го русск. декабря 1920 г.

— Здесь кончается мой Лебединый Станъ. Конечно — я могла бы включить въ него всю Разлуку, всего Георгія, и вообще добрую четверь Ремесла — и навѣрное ещё есть — но — я тогда этого не сдѣлала, кончила свой Лебединый Станъ, вмѣстѣ съ тѣмъ.

Прилагаемый отрывокъ * прошу — если когда-нибудь кто-нибудь, въ нужный срокъ, этимъ займется — включить хронологически въ мои стихи (— всё, что послѣ «Послѣ Россіи» —) если уцѣлѣютъ.

Здѣсь онъ только потому, что нигдѣ у меня не вписанъ, а напечатанъ былъ въ однодневной газетѣ («День русской культуры») — ненадежной.

— Всѣ-таки жаль. —

М. Ц.

Dives-sur-Mer, 30-го апрѣля 1938 г.

* См. Приложение третье. — Ред.

П Е Р Е К О П Ъ

Моему дорогому и вѣчному добровольцу

... А добрая воля
Вездѣ — одна !

Die Welt ist gar zu lustig.
Dunkle Zypressen !
Es wird doch alles vergessen.

- Черезъ десять лѣтъ забудуть !
— Черезъ двѣсти — вспомнить !
(Живой разговоръ лѣтомъ 1928 г. Второй — я.)

—

В А Л Ъ

— Кабъ не чехъ !

— Кабъ не тифъ !

Кто-то: — эхъ !

Кто-то: — живъ

бы Колчакъ . . .

Солнцепёкъ.

Солончакъ.

Перекопъ —

Нашъ. Семивёрстная мозоль

На вражескихъ глазахъ.

Земля была суха, какъ соль,

Была суха, какъ прахъ.

Не то копытъ, не то лопатъ

Стукъ: о костякъ — костыль.

Земля была суха — какъ складъ,

Почуявшій фитиль !

— Ой, долго ли ? Ой, скоро ли ?

Нудà, нудà, нудà.

Все вялено все солоно:

Земля, вода, ѣда.

Позѣвывай . . . пострѣливай . . .

Къ концу — къ концу — къ концу . . .

Что пили вы ? что ѣли вы ?

Камсу ! камсу ! камсу !

Бросить сынъ мой — дряхлой Европѣ

(Богатырь — здѣсь не у дѣль):

— Какъ мой папа — на Перекопѣ

Шесть недѣль — ежиковъ ѣль !

Скажетъ мать: — Ъвшему — слава !
И не Ъль, милый, а жралъ.
Тѣмъ ежамъ — совѣсть приправой.
И пойметъ — даромъ, что малъ !

Осточертѣвшая лазорь.

(Съ нея-то и ослѣпъ

Гомеръ !)

... была суха, какъ соль,
Была суха, какъ хлѣбъ —

Тотъ, неразмоченный слезой

Паёкъ: дары Кремля.

Земля была — передъ грозой

Какъ *быть* должна земля.

— Шутка ли ! Въ норахъ !

Послѣ станицъ-то !

Что мы — кроты, что-ль ?

Суслики, что-ль ?

Есть еще порохъ

Въ пороховницахъ,

И въ солонницахъ

Совѣсти — соль !

Безостановочный — не текъ

Потъ: просыхалъ, какъ спиртъ.

Земля была суха, какъ стогъ,

Была суха, какъ скирдъ.

Ни листикъ не прошелестить.

Флажокъ повисъ какъ плеть.

Земля была суха, какъ скитъ,

Которому горѣть.

Заступъ. Сапогъ.
Насыпь ? Костякъ.
Коп—пере—копъ.
Такъ—пере—такъ.

Пышущій лобъ.
Высохшій бакъ.
Копъ—пере—копъ
Такъ—пере—такъ.

Вознагради тебя Трисвятъ,
Валь стародавенъ ханскъ !
Лѣпили — въ Маркова ребягъ,
А получалъ — Армянскъ.

Хотѣли въ глазъ, садили въ бровь,
Садили вкось и вкривь.
(Тамъ перекапывалась *новъ*,
Окапывалась — *бывъ*.)

— Въ тартарары тебя, тельца ласкова:
« Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ ! »
На солнцепѣкѣ — учба солдатская:
— При—цѣлъ: семь !

Въ тартарары съ тобой (эхъ, не ты бѣ-не ты!)
Шло — шла — шли.
— По наступающему противнику,
Ро—та ! — пли !

На валъ взойди, лбомъ къ сѣверу:
Руси всея — лицо.
Въ тылу — родство послѣднее:
Щемиловка-сельцо.

Въ плечахъ — пруды Сивашевы,
Сольца, гнильца сплошна.
Съ него и кличка нашему
Сидѣньицу пошла:

Щемиловско. Ни намъ, ни имъ !
Въ инья времена
Даеъ же Богъ мѣстамъ инымъ
Такія имена !

Курскъ — дѣйствуемъ, Керчь — пьянствуемъ,
Да, но *сидимъ* въ селѣ
Щемиловкѣ.

... Дно — станція,
А то — Гуляй-Полѣ !

Панамъ — соли, полямъ — сули.
Звонъ ! золота кули !
Гуляй — пали, гуляй — пыли:
Коли — гуляй — пали !

Галлиполи: чанъ — до полноу —
Скорбей. *Бъла — была.*
Галлиполи: голѣ-поле:
Душа — голымъ-гола.

Въ той Щемиловкѣ — тошна бѣ,
Кабъ не флагъ надъ ней штабной —
Полка марковского — штабъ.
Черный съ бѣлою каймой.

Флагъ надъ штабомъ.
Рокъ надъ флагомъ.

Крестокъ бѣль, серпокъ алъ.
Перекопъ — переваль —
Руси — наковальня !
На валу — дневальный,
Подъ дневальнымъ — гнѣзды,
Надъ дневальнымъ — звѣзды.
Звѣзды непросчетныя.
Гнѣзды пулеметныя.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Станъ прямъ — одинъ ребра —
Богъ — разъ, а два — Марковъ.
Иванъ ? Сергѣй ? Ѳедоръ ! ?
Москва ? Тюмень ? Харьковъ ?

Никто. Безымянный.
(За битовку съ Троцкимъ
Крестокъ деревянный
Взялъ).

Марковецъ — просто.

Казакъ ? студентъ съ Бронной ?
Особая каста.
Не графъ, не баронъ, не
Князь. Марковецъ — баста.

Отколь ? ото Всюду —
Руси. Тюмень — Пенза —
Землякъ ? — стрѣлять буду !
Землякъ ? — плати тѣмъ же !

Жена мужа кличу
Изъ Вятки въ Тавриду —
Дневальному — слышно,
Дневальному — видно.

Ни тропы ни ямы
Такой заповѣдной —
Дневальному — знамо,
Дневальному — вѣмо.

Одинъ между Русью
Святой и Тавридой.
Жена мужу снюся —
Дневальному — видно.

Всё взадъ-впередъ. Тыщу бѣ
Покрыль — кабъ по шпаламъ.
Что львице по рвищу —
Дневальный по валу.

Счетъ выходить. Станця.
И вспять, шажкомъ бравымъ.
И Крымъ, земля ханска,
То влѣво, то вправо.

— «Повыжжемъ, повыбьемъ
Волчищу изъ хлѣва!»
И Русь, страна Дивья,
То вправо, то влѣво.

Такъ — вправо, сякъ — влѣво.
Путь дологъ, час добрый!
Поэтъ, гляди въ небо!
Солдатъ, гляди въ оба!

За—вѣтной боевой
— Блинъ съ черною каймой —
Фуражки не порочь:
Рѣжь, ѣшь глазами ночь !

Простиранной въ поту,
Прострѣлянной въ боку —
Рубашки не засаль:
Рѣжь, ѣшь глазами даль !

Солдату не барышъ —
Башка ! были бы лишь
Погоны на плечахъ !
Ѣшь, рѣжь глазами шляхъ !

— Одна, а завтра двѣ —
На лѣвомъ рукавѣ
Нашивки не безчесть !
Русь: *есть* глазами ѣсть

Что

— Эхъ, коль буду живъ,
Ма—линовыи наливъ !
Огурчики свѣжй !
— Не ѣшь глазами — жри

Ночь ! — Ночь-моя-ночлегъ !
Рос—сійскій человекъ,
Одинъ да на бугру —
Не ѣмъ глазами — жру

Русь.

СИРЕНЬ

Чертополохомъ (бѣло-сѣрь,
У насъ, въ Россіи — синь)
За провіантомъ — офицеръ.
(Степь, не забыть — полынь).

На худо кормленномъ (сѣнцомъ !)
И жилистомъ, какъ самъ,
Неунывающимъ (донскомъ
Еще !) какъ всѣ мы тамъ.

Подъ комиссаромъ шелъ бы — гнѣдъ.
Для марковца — *блз* свѣтъ:
У насъ тѣней *не* черныхъ — нѣтъ,
Коней *не* бѣлыхъ — нѣтъ.

Чертополохомъ — веселѣй,
Конь ! Далекò до кущъ !
Конечно бѣлаго бѣлѣй
Конь, марковца везущъ !

Солончакомъ, гдѣ каждый стукъ
Копыта: Геродотъ —
Въ одноименный валу . . .

— внукъ

У вала: городокъ.

Валь — нашъ, а городокъ — ничей,
И посему — вещей
Законъ — чумы, сумы нищѣй,
Щемиловки — нищѣй.

Такъ въ этотъ самый — мѣловой
И вымершій, какъ чумъ —
За провіантомъ — верховой.
Строгъ, не скажу — угрюмъ.

Съ лицомъ Андреевымъ — Остапъ,
Съ душой бойца — Андрей.
Кабъ сказъ — Егорьемъ назвала бъ,
Быль — назову Сергѣй.

Такъ и останутся — сторонъ
Споръ — порастетъ травой! —
Звѣздоочитый чертогонъ,
Такой же верховой...

Такъ и останутся — раздоръ
Въ чертополохѣ — цѣль! —
Звѣздоочитый чертоборъ,
Такой же офицеръ...

Вокругъ ковыль шумѣлъ и сохъ,
Сивашъ молчалъ и гнилъ.
Что всѣхъ не переполошилъ
Чертей, чертополохъ?

Проще бы хлѣба просить у стѣпи
Лысой — не совѣстится бѣ хоша!
Проще бы масла просить у мыса
Въ морѣ, и сала у Сиваша!

Эхъ, любо-дорого — къ намъ какъ въ гости
Всѣ-то, да въ хату-то въ нежилу!
Коли за твѣрогомъ — на погостѣ
Больше, за яйцами — на валу

И почаще, и получше!
Закидалъ народъ дворянъ!
— За барашкомъ? Брось, поручикъ!
Каждый самъ себѣ баранъ!

Коли хлѣбъ простой — пирожнымъ
Сталь ! Да съ мѣста не сойти,
Коль хоть столько . . . Сольцы — можно.
Не изволите-ль сольцы !

— Ну что, поручикъ ? Новости ?
Чиновники, чиновницы . . .

— До ниточки — ни денежки . . .
Припѣвъ: на васъ надѣмся !

Намъ краше Пасхи, Рождества . . .
На васъ, на васъ надежда вся —

Адъ — двухъ огней промежду !
Вы — вся наша надежда !

И стонетъ бытъ, и вторить попь:
— « Отстаивайте Перекопъ ! »

Всѣхъ не съ винтовкой, не въ строю,
Всѣхъ: « моя хата съ краю вѣдь:
Коли снарядъ — такъ ужъ въ мою ! »
Вопль: отстоявъ — отстраивать.

Для обывателя — ларецъ,
А для хозяйки — вазочки.
— Уйдете — пагуба-зарѣзь !
— Какъ у Христа за пазухой !

Не видятъ, черствая душа,
Какъ эта пазуха тоща,
Всѣ ребрышки наперечетъ —
Что у конька морского !
А все жъ всю Русь-святу несетъ
За пазухой . . .

— Христовой.

Понастучавшись, не при чемъ,
(У насъ въ Россіи — всѣмъ !)
Съ пустымъ мѣшкомъ и животомъ,
Вдоль прободенныхъ стѣнъ . . .

Кусочка хлѣба не дадутъ —
А завтра жизнь отдашь
За нихъ ! Терпи, терпи, верблюды !
Молчи, молчи, Сивашъ !

Звени, звени, чертополохъ !
. . . Добро бы — на бабахъ,
И не несолоно, а охъ
Какъ солоно . . .
— бабахъ ! —

Взрывъ ! Вразсыпную, какъ горохъ !
Какъ съ граху — воробки !
По городамъ переполохъ,
Ребята — въ городки

Играютъ. (Почвеннѣе насъ
Растите, крѣпче насъ !)
Послѣдній дворъ. (Въ послѣдній разъ,
Конь!) — «Есть кто?» — «Се—ей—часъ!»

— За продовольствіемъ. — Поѣсть ?
— Нѣтъ, съ валу, значитъ . . . — Что-съ ?
— . . . за продовольствіемъ: чтò есть —
Коль есть чтò . . . — Развѣ — слезъ

Вамъ, господинъ поручикъ ? Шью,
Бьюсь, корочкѣ раба . . .
— Не подаюнія прошу:
Плачѹ.

— Рады бы — да —

Когда самимъ-то негдѣ взять !
Двѣ: день сказать и ночь ?
Съ глазами плакальщицы — мать,
И пѣсенницы — дочь.

Глядитъ. Не съ неба ли съ конемъ
Къ намъ перекочевалъ ?
Сей — за свиной ? за пшеномъ —
Сей ? Ну и кашеваръ !

Такому бѣ по душу грѣшнѹ
Встать — въ жизни смертный часъ !
— Тогда прощенія прошу.
— И мы (вдова) — и насъ —

Дитя . . . Откуда-то — востеръ
Клинокъ ! — крикъ лебединъ.
Послѣдній дворъ, за нимъ просторъ.
— Пойдите, господинъ

Поручикъ ! (Вольная у чувствъ
Рѣчь, разъ сирень цвѣтетъ !)
И цѣлый сукъ, и цѣлый кустъ,
Садъ цѣлый, цѣлый сотъ

Сирени — конному въ загаръ,
Въ холстъ бѣло-лебединъ.
Послѣдній дворъ (посильный даръ) . . .
— Прощайте, господинъ

Поручикъ !

Не до женскихъ глазъ.
Лазорь — польнь — кремень . . .
И даже не оборотась
Коню скормилъ сирень.

БРУСИЛОВЪ

Не то чайки, не то соколы —
Стали гости къ намъ залетывать.
— Отколь, стайка ? Куда, аистова ? —
... Прямо на голову сваливаться.
Кидай заступъ ! хватай птахъ !

— « Перешель границу ляхъ ! » .

Крикомъ черезъ всю страницу:
— « Врагъ переступилъ границу !
Всѣмъ, кто сердцемъ не застылъ,
Зовъ: не ударяйте въ тылъ —
Родинѣ ! однѣхъ — питомцы —
Нивъ ! Свои люди — сочтемся !
Что за пря черезъ плетень ?
Ляхъ: единая мишень
Для единого прицѣла.
Добровольцы ! Офицеры
Русскіе ! Смиривши контръ-
Страсти — всѣ на польскій фронтъ ! »

Море травъ,
По нимъ — вихрь:
— Правъ-то — правъ:
Ляхъ-то — лихъ !

Бури взмахъ
По лѣсамъ:
— Врагъ не ляхъ:
Комиссаръ !

Спасибо, Брусиловъ, за лесть и честь !
Но Богъ упаси насъ ! Доколѣ есть
Кровь въ жилахъ — и слезы у матерей ! —
Умремъ — не забудемъ у тѣхъ дверей
Часъ за часомъ, за часомъ часъ
Ожиданья. — Идетъ ? — Отказъ.

Вся молодость края тебя въ вожди !
Какъ мы тебя ждали — такъ ты пожди !
Казенного зданья и дождь, и дрожь . . .
Какъ мы тебя ждали — такъ ты пождешь :
Не дождешься — какъ лбами внизъ —
Мы Вожата не дождались.

Не принялъ командованья надъ той
Дружиною ! « Банды » — вѣдь такъ братвой
Совѣтскою прозваны за труды ?
Зачѣмъ же бандитовъ въ свои ряды
Призываешь ? За что, бр'тъ, бьюсь ?
Вѣдь и звука-то нѣту — Русь !

Цыть ! Буде толковать !
Не быть и не бывать,
Чтобъ русскій офицеръ —
Да за Рэсэфэсэръ !

Русь — гдѣ мы :
Нынче — Крымъ.
Русь есть мы :
Мы — чтобъ — къ нимъ ? !

Чей-то, мѹку
Усмѣшкой скравъ,
Ротъ, безъ звука :
— А нѹ-ка —
Правъ ?

ПЕРЕБѢЖЧИКИ

Ваша власть, ребята, — барская.
Наша — братская, солдатская.
— Офицерская, помѣщичья —
Наша — легкая, нивѣсть-то чья !
Прощай, лямка ! прощай, честь !
Самая что ни-на-есть
Разработчая, крестьянская !
Станкомъ княжимъ, серпомъ чванствуемъ . . .

Моя-Васькина-твоя —
Власть товарищеская !

Ваша власть, ребята, — зычная:
Оплеухи, зуботычины.
Тебя въ рыло, а ты: слушаюсь !
Караулы-съ, оплеушины-съ.
А сверхъ всѣхъ тебѣ глава —
Жена прапорщикова.

Ваша власть, ребята, — тяжкая.
Наша — съ шутками, съ поблажками.
— Да жива ли ужъ ? Да живъ-то ли ? —
Съ перемежками, съ побывками.
По младости своей —
Къ людямъ — жалостливая.

Врешь — « передовыя линіи » !
Медвѣдями село кинули,
И воротитесь медвѣдями.
. . . Съ представленьями, съ комедьями . . .
Кидай блинъ-то ! хватай шлыкъ !
Вечоръ — прапору денщикъ.
Съ утра, хамское отродіе,
Самъ — Высокоблагородіе !

Ваша власть, ребята, — бывшая.
Наша — вставшая, добывшая !
— Крѣпостная, потогонная.
— Распашная, безпогонная.

Смекай, всѣ твои пути !
Только поле перейти !

Наша власть, ребята, — вольная !
Копай землю, али воиномъ
Иди — самъ себѣ Величество !
Большевицка, большевическа.
Винтовочку-смертобой
Кидай на-земь, кричи: — свой !

Наша власть, ребята, — вò-кака !
Текай взводомъ ! Текай ротою
На ржаное на довольствьице !

(Волкъ въ шинели добровольческой).

— Бѹде, ваты
Въ ротокъ набравъ,
Братъ на брата !

— Ребята !
Пра-а-авъ !

Крас—на власть то—варищеская !
Ка—ша, страсть, заваривается !
Ва—режка-то — съ варешкою-то:
Землячки сговариваются !

— Сласть-то — ихъ,
А потъ — нашъ.
Крестовикъ.
Понимашь ?

Потъ-то — нашъ,
И власть — намъ.
Понимашь ?
— Понимаемъ.

— Одрѣхъ мѣсть:
Одинъ путь.
Клади крестъ !
— Во всю грудь !

— Держись, Пашъ !
— Держись самъ !
— Не продашь ?
— Не продамъ.

Смекай, Васъ, пойдуть бить —
Куды жъ — въ море отходить ?
Сюды — топь, туды — гать.
Куды жъ — въ море отступить ?

— Чай, не море переплыть !
— Только поле перейтить !

— Чай, не море пересѣчь !
— Только поле перебѣчь !

Прощай, Крымъ ! Встрѣчай, Русь !
До ситничка доберусь !
Встрѣчай, Русь ! Прощай, Крымъ !
Картошечки поѣдимъ !

Завтра утромъ — пока хватятся —
Не дочтутся двухъ солдатиковъ.
Красна Русь-то ! Судить — грѣхъ.
Нынче — двухъ, а завтра — всѣхъ.

Офицерскій блинъ
Въ темнотѣ — бѣльмомъ.
— Перейду одинъ.
Эхъ, не то бѣ — вдвоемъ !

(Пошли, Боже, краснымъ и бѣлымъ —
Ту — для ложа, друга — для бѣга !)

Генеральскій сынъ,
Перейду — но сѣдъ.
Потому одинъ,
Что второго нѣтъ

— Изувѣра бѣлому дѣлу —
Офицера — въ Арміи цѣлой !

Послѣ всѣхъ « Воздамъ
За Царя и Русь ! »
Каково губамъ
Произнестъ: сдаюсь !

(Удержать: бѣгу !)
Послѣ всѣхъ « воры ! »
Каково врагу
Прокричать: свои !

... « Съ того свѣта приду драться ! » —
Мнѣ-то марковцу-то — сдаться !

Безъ стального дзень,
Дорогихъ погонъ,
Перейду — но тѣнь,
Добѣгу — но « онъ ».

Большевицкій штабъ,
Большевицкій чубъ.
Добѣгу — но гробъ,
Перейду — но трупъ.

Если время — прощай, знамя ! —
Съ ними, сердце навѣкъ — съ нами !

Хоть больнымъ-больны,
Да бѣднымъ-бѣдны —
А всё — *мы* ! Какъ *мы*
Превратить въ « они » ?

Стой ! безъ бою съ двухъ ногъ свалишь !
Это я-то вдругъ то—варищъ ? !

Растопталъ — отрясъ —
Но хоть трижды « гниль » —
Каково на *насъ*
Накалять мотыль

Пулемета ? Какъ трупъ, челюсть
Уронивши: въ себя — цѣлюсь !

Послѣдніе страхи.
Потомъ — стремглавъ.
Врагъ — тѣ или ляхи ?
Брусиловъ правъ.

Хоть худо — да наше !
Хоть лють — да брать !
Минскъ — нашъ или ляхій ?
Брусиловъ — святъ.

И пусть въ груди грусти —
Воды въ Двинѣ !
За край Бѣлорусскій
Кому какъ не...

За кровное дѣло,
Небось, берусь !
Кому жъ какъ не *бѣлымъ*
За Бѣлу Русь !

И какъ передъ Богомъ
— Богъ слышь и видь ! —
Бойцомъ тебѣ добрымъ
Клянусь пребыть !

Чтобъ *дѣдовымъ* полемъ
Текла Двина !
А добрая воля
Вездѣ — одна !

Завтра утромъ — пока свѣрятся —
Не дочтутся офицерики.
— И здорово-жъ перебѣгъ ! —
Котораго — суди Богъ !

ВРАНГЕЛЬ

Справа, съ простору...
Въ синій, синѣй чѣмъ Троицынъ...
— Скокъ изъ мотора! —
Спѣшно солдаты строятся.

Валь однимъ махомъ
Взявъ — да на всю карту-то! —
Ровно бы млатомъ:
— Здорово, орлы-марковцы!

Съ краю до краю
— Дышитъ — растеть — длится —
— Здравья желаемъ,
Ваше Высок'дитство!

Въ черной черкескѣ
Ловкой, въ кубанкѣ черной.
— Мечъ вамъ и крестъ вамъ:
На миръ не пойдёмъ позорный!

Дратся — такъ дратся!
Биться, орлы, — такъ биться!
— Рады стараться,
Ваше Высок'дитство!

Громомъ въ затишье
Нивы: — Не зря сидѣли!
(Каждого выше
На голову — не двѣ ли?)

— Раньше морозовъ
Первыхъ — въ Москвѣ гудящей...
Сказы и грезы
Явно превосходящій —

Вотъ онъ, застѣнковъ
Мститель, боевъ ваятель —
Въ черной чеченкѣ,
Съ рукою на рукояти

Бѣ—лаго пра—ваго
Дѣла: ура—а—а !

НАЛЕТЪ

Полный валъ солдатъ,
Полный валъ головъ
Задранныхъ, а надъ
Валомъ — « и здоровъ

Врать ! безъ счету, а ты — семеро ! »
Десять самолетовъ къ сѣверу.

Полно небо спиць,
(Пока глазъ не взвель).
Поглядѣть — такъ птицъ,
Не глядѣть — такъ пчель.

Наступленьца — сбылась-таки ! —
Первы пчелки, первы ласточки.

— Эхъ, кабъ на Москву
Такъ то бѣ ! — Давай Богъ !
Къ каждому хвостку
— Глазь-то ! рукъ-то ! лбовъ !

Летить — миръ ему съ орѣшину ! —
Цѣльна Армія привѣшена !

Трехъ, гляди, годовъ
Грузъ. — Верните Брестъ ! —
Тысяча пудовъ
Радужныхъ надеждъ !

Держись, крылья стрекозиныя !
Чай тебѣ не бакъ бензиновый !

Задавали балъ —
Любо-веселò !
Миновали валъ —
Прямо на село :

Красна Армія — хозяйюшкой.
Опускаются, снижаются . . .

Снизились ! Стрельбы
Трескъ. За нимъ пальбы
Громъ. За нимъ клубы :
Дымъ. За нимъ столбы . . .

Ужъ который поклонъ шлетъ
Пулемету — самолетъ !
Ужъ который — челомъ бьетъ
Самолету — пулеметъ !

Горитъ красная гостиница —
Село Первоконстантиновка !

ПРОЖЕКТОРЪ

На валу — новый звукъ,
Новый вѣкъ, новый другъ:
Долгорукъ, долгозракъ.
У врага — новый врагъ.

Око есть, ока нѣтъ.
На валу — новый вѣкъ:
На врага — око, видь! —
Свѣтъ и страхъ наводитъ.

Зракъ, не спящій за насъ.
Зракъ: три тысячи глазъ
Волчьихъ! цѣлая печь!
Свѣтъ — въ три тысячи свѣчъ

Брачныхъ! Ну-съ, что да гдѣ —
Какъ — на Красной звѣздѣ?
Наставляй телескопъ!
(Перстъ, прожектора снопъ.)

Распотѣшь! Разуважь!
Лижеть степь — топъ — Сивашъ.
Окомъ — зыркъ, вѣкомъ — чѣркъ:
Перемигъ, пересвѣркъ.

Бѣлый скокъ, бѣлый штанъ —
Думаль — тутъ — анъ ужъ тамъ!
Бѣлый блинъ, черный кантъ, —
Цѣльный фронтъ арестантъ!

Цѣль ясна, даль ясна.
Валь безъ сна, врагъ безъ сна.
Имъ не лечь, намъ не лечь.
Ночь какъ день, лучъ какъ мечъ.

Мы-то — въ тьмахъ, врагъ-то — голъ.
Какъ у бабы — подолъ
Задираемъ у всей
— Виды видывавшей ! —
Дали.

Грѣхъ. Сверху — зракъ:
— Каинъ ! — Здѣсь ! — Каинъ, братъ
Гдѣ твой ? Хриплымъ, какъ нашъ,
Гласомъ: Брату не стражъ.

Ангель: тру—у ! Спящій: чу !
Такъ, на полномъ свѣту,
Въ тѣлѣ и дѣлѣ естествѣ,
Встанемъ — тѣ, встанемъ — всѣ:

Безымянные — гранды — гени —
Всѣ — отъ Врангеля и до Ленина !
(И Деникинъ, Антонъ . . .)

. . . Глянемъ мы — грянетъ онъ.
Полосы мѣловой
Эхо: выстрѣлъ двойной.

— Одна трата !
— То-то оно-то !
Двѣ гранаты:
Два перелета.

Такъ до алой
Самой до зорьки —
Мимо вала —
Въ Школьную Горку.

Новый взрывъ, новый снаръ.
Живъ и здравъ Перекопъ —
Что дитя въ пеленахъ !
Въ сотый разъ перемахъ !

Молимъ всѣ: — милый, всю
Степь, во всю широту
Свѣтлотой замости !
Догляди до Москвы !

Низложи гробового врана
На главѣ звонаря Ивана !

КАНУНЪ

День — сонъ или явь ?
— Ну-съ, братцы, поздравь !
— Съ чѣмъ ? — Съ тѣмъ, съ чѣмъ и васъ :
Въ часъ. Тайный приказъ.

Взрывъ. Искра въ овинъ !
— Шш... только двоимъ
Вамъ ! Всюду-вездѣ :
— Шш... только тебѣ ...

Вамъ... Самъ только лишь !
Вслѣдъ танкамъ ? Да ты жъ,
Я жъ. Конница — въ тылъ ...
(День: сгниль — не забыль !)

А лица солдатъ !
Въ Сочельникъ — ребятъ :
Глазъ скашиваютъ,
Не спрашиваютъ.

Губу закусивъ —
Что сласть-черносливъ,
Скарбъ связываютъ,
Не сказываютъ.

Какъ есть тебѣ тюкъ !
Шальной кабъ не вдругъ
Смѣхъ, спиртъ-нашатырь —
Ноздри во всю ширь !

Страстнѣ свиданья,
Свѣтлѣ заутрени...
Отъ вала — и далѣ —
Отъ хутора къ хутору —

Ржанымъ изобильемъ,
Пшеничнымъ дождемъ —
Гдѣ пальцемъ водили —
Ногами пройдемъ !

Презрѣнная горстка ?
Услышите всеюцну !
Надъ десятивёрстною
Картою — всѣ мы тутъ ! —

Ленокъ колониста,
Гвардейскій проборъ,
И усъ тутъ, и лысъ тутъ,
И просто боберъ —

Армейскаго крѣю,
Военнаго пострига.
Баштаномъ — бахчою —
Отъ острова къ острову —

Подъ крики: здорово !
Подъ звонъ поселянъ —
Весь, весь завоевываемъ
Океанъ
Степной. Ибо — съ нами
Край ! Двинемъ — и двинутся !
Какія названья !
Каховка . . . Любимовка . . .

Въ самомъ уже звукѣ
Залегшій успѣхъ.
Какъ сестрины руки
Въ предчувствіи *тѣхъ*.

Ногами зашаркали:
— Жданка ! Березовка !
Давно не по картѣ
Уже, а по воздуху —

Подъ крики: здорово !
Подъ взмахи: великъ
Богъ ! — весь завоевываемъ
Материкъ
Шестой. — Дѣла погребуть !

Тѣнь на карту, слѣдомъ — въ пудъ —
Вздохъ, покашливанье такта.
— Господинъ поручикъ . . . такъ-что . . .
Еще разъ бы . . . нужда истинна !
Пулеметы . . .

(Вчера чищены)

ПОСЛѢДНІЙ ЧАЙ

Горить огонекъ.
Дымитъ котелокъ.
Послѣдній паекъ.
Послѣдній чаекъ.

Сказать тебѣ въ тай ?
Быль кофеемъ чай
Тотъ. Кровь бережемъ:
Овесъ пережженъ-

то кофій тотъ ! Не въ томъ, братъ, сокъ,
Что — чай, а въ томъ: прощай !
Овесъ, а то и кипятокъ
Пустой: прощай — такъ чай.

Посапываетъ — послушиваемъ.
Въ упоръ затянувъ ремень,
Сидимъ, сапожкомъ постукиваемъ:
Сидѣнья послѣдній день.

Посапываетъ — покидываетъ
Котель — не спускаемъ глазъ.
А сердце тоска пощипываетъ:
Землянки послѣдній часъ.

Ждала же насъ ! блюла же насъ !
Юнецъ — (гудитъ какъ шмель)
— Уходимъ разъ, не ляжемъ разъ,
(Огонь) — гори, постель !

Охàпинами, вязàнищами,
Въ костровый огонь — вдова,
Заслуженная, лежаночная
Сухая летить трава . . .

Краса жъ у насъ ! Жара жъ у насъ !
Юнецъ — куражъ и грусть — :
— Уходимъ разъ — не ляжемъ разъ —
Никто не ляжетъ пустъ !

(Тѣмъ Турція — серпъ, тѣмъ Сербія — крестъ :
Погостъ найди, гдѣ русскаго нѣтъ !)
А въ сердцѣ тоска посверливаетъ,
А въ печкѣ трава похрустываетъ.

Ни хлѣба нѣтъ, ни обуви нѣтъ —
Разъ вѣра есть — такъ Армія есть !
А въ глоткѣ сольца поскребываетъ,
А въ трубкѣ зола помаргиваетъ.

Моргнетъ — и нѣтъ. Убьютъ — или нѣтъ ?
Забьютъ — или нѣтъ ? — Кипитъ — или нѣтъ ?!
А въ брюхѣ камса побуркиваетъ,
А въ печкѣ трава поыхиваетъ.

Но благу ли быть, но худу ли быть —
Злѣй худа нѣтъ, чѣмъ старому жить !
А въ сердцѣ — Москва погудываетъ,
А въ печкѣ — трава погарываетъ.

Ни мыла нѣтъ, ни бани-то нѣтъ —
Бѣлѣй найди, чѣмъ Маркова рать !
А въ сердцѣ — Москва позваниваетъ,
А въ сердцѣ — Москва поваркиваетъ . . .

(Слились — какъ въ хорѣ голоса,
Какъ въ пряди волоса:
Москва — тоска — камса — сольца —
Травца — шпорца — кровца.)

Вскипитъ — такъ пить, не бороду жъ брить!
Ни чая нѣтъ, ни чайника нѣтъ.
А глотку камса подёрываетъ,
Вскипѣлъ корнетъ: — Вскипай, наконецъ!

Залить тоску — камсу — сольцу
Залить растраву — всю !

И странный, братъ ! Аль чванный, братъ ?
Народъ — чудной народъ !
Какъ ванны ждать, какъ манны ждать,
Вскипѣлъ — никто не пьеть !

Одинъ: — Да намъ и Лазаря
Не спѣтъ, коли кишки
Не смазаны ! Обязаны —
Всѣ ! Ваши котелки !

Есть — одуванчикомъ цвѣтокъ
Русь называетъ тотъ.
Такъ капитанъ на кипятокъ
Дуль изъ обѣихъ щекъ.

— Дуй, капитанъ !
Весь чтобы чанъ
Выкачанъ ! вся
Чтобъ и камса

Съѣдена !
Ибо пос—лѣд—няя !
Пей до дна !
Пей до дна !
Пей—до—дна !

Од—на струна —
Единый оборотъ.
Скорѣй стрѣла
Магнитная сморгнетъ —

Съ сѣвера.
— Гей, жена !
Гей, родна !
Пей до дна !
Пей до дна !
Пей—до—дна !

Кам—са нашъ хлѣбъ !
Тра—ва наши дрова !
Ни крохъ, ни щепъ !
Примѣта такова:

Пускаясь въ бой,
Съ собой — и за собой —
Крохи не брать,
Крохи не оставлять.

Къ свѣдѣнью:
Мать одна —
Смерть одна !
Пей до дна !
Пей до дна !
Пей—до—дна !

И жарко, и жалко, —
Чаямъ-тебѣ-чай !
Жестянка — лежанка —
Землянка — прощай !

Пять дней тебя рыли,
Сто дней въ тебѣ жили,
Ночей въ тебѣ — выли
Хоть ! кляли хоть ! — спали
Все жъ . . .
Ни Богу, ни штабу не жаловались.
Какъ съ шубой, какъ съ бабой слежались,
сжились.

Проѣдутъ тачанки —
И намъ чередъ-скорь.
Чѣмъ такъ-то, въ молчанку —
Подтягивай, хорь !

« Многоводная, обильная,
Разлилась и вдоль и вширь,
Эхъ, Кубань ты наша родина,
Вѣковой нашъ богатырь ! »

Просторы мчатъ
Саперы мчатъ
Костровый чадъ
Махровый чадъ

— Который часъ ?
— Который часъ ?
— Который часъ ?
— Да скоро ль, чортъ !

— Запаздываютъ !
— Запаздываютъ !
— Да часъ, говорятъ,
Назадъ, говорятъ,

Какъ свѣрены !
(Беременныхъ:
« Скорѣй бы ужъ !
Что съ временемъ ? »)

Сказъ, Перекопскій Патерикъ
Творю — чиста моя корысть.
Одна душа на четверыхъ,
Одни часы на четверыхъ.

(Слушай — сказъ !
Дѣло — темь.)
Выходъ — въ часъ.
Время — семь.

— Юнкерь, сядь !
Пальцы въ счетъ.
— Цѣлыхъ пять
Битыхъ — чортъ !

(Чортъ — коли съ мукой —
То жъ Аллилуйя —
Богу !)

— А нѹ-ка —
На боковую ?

Нашъ сѣверъ — край,
На сѣверъ — стай
Путь, сѣверъ — шпоръ
Звонъ, сѣверъ — стонъ . . .

Послѣдній пай
Послѣдній чай
Послѣдній хоръ
Послѣдній сонъ.

ВЫХОДЪ

— Вставай ! вставай ! вставай ! вставай !
(Всѣ въ разъ — кого жъ будя ?)

— Сѣдлай ! сѣдлай ! сѣдлай ! сѣдлай —
Пѣшъ, самого себя !

Повалка — ввысь, стоянка — въ рысь,
Распашка — въ сборъ, растяжка — въ складъ.
Сама душа — и та въ запàхъ
Шинели англійской до пятъ.

Пѣшечкомъ бьемъ, пѣшечкомъ мремъ !
Завѣтный день, двухцвѣтный блинъ.
Кишечки подтянувъ ремнемъ,
Прилаживаемъ карабинъ.

Царей — царей — царей — царей
Русь, всё ради тебя !
Скорѣй ! скорѣй ! скорѣй ! скорѣй !
Ну-съ, — все ли, господа ?

Махорка ? есть ! На шеѣ крестъ ? ..
Въ карманахъ письма шелестятъ ...
Послѣдній трепетный присѣсть.
Въ послѣдній разъ послѣдній взглядъ

— И юнкеръ съ краешку присѣлъ —
Хозяина — на домъ:
На ворохъ казначейскихъ дѣлъ —
Въ одномъ, мѣшки — въ другомъ.

(Досѣчку въ полку обратя —
Вотъ радовались-то !)
Пустую полку для бритья, —
Осколки житія
Солдатскаго . . .

А дальше — ночь,
А дальше — дичь, а дальше — степь.
А дальше — *смѣть* ! А дальше — *мозгъ* !
Послѣдняя вязанка въ печь . . .

Тьма тьмущая. Точно сшиты
Глаза. Веселѣй — закрывъ.
Подводы, шаги, копыта —
Валь слухомъ живъ, звукомъ живъ.

Приказъ не курить, не шаркать,
Не чиркать: ушами — видъ !
Не ржать — лошадямъ, не харкать —
Людямъ: не дышать, не быть.

Валь. Выпалившій кофейникъ —
Валь ! Кипь черезъ всѣ край.
Разбуженный муравейникъ —
Валь: *бѣлые* муравьи !

И шагомъ — сплошной незримой
Шинелью, желѣзной въ швахъ,
Недвижныхъ двуколокъ мимо —
Впередъ — батальоны въ тьмахъ. —

Въ тьму — тьмы насъ! ← Ужель не слышишь,
Русь? Топъ какъ бы стадъ. (Врагъ — глухъ!)
На слухъ — полтораста тысячъ,
(Кабъ свѣтъ — не начли бъ и двухъ !)

И шагомъ — такимъ за гробомъ
Идутъ, да за возомъ дровъ —
За каждой двуколкой — съ Богомъ ! —
Шесть призрачныхъ нумеровъ.

Не курить и нѣ
Шаркать. Ибо въ тайнѣ —
Дѣло. Въ тишинѣ
Крайней — крайней — крайней.

Не — не — не —
(Плылъ ли ? спалъ ли ? шелъ ли ?)
Въ ти—ши—нѣ
Полной, полной, полной.

Бока, чтобы не дышали,
Втянувъ, какъ флейтистъ — щеку...
— Кабъ съ нашими ! Съ латышами —
Бой ! Славь въ Сивашѣ Чеку !

Сердца, чтобы не шалѣли,
Угнавъ далекò за Курскъ...
Тьмой тьмущею какъ шинелью
Накрытые... Постъ ли ? Кустъ ?

Крупъ ? торсъ ? (Иліона тѣни —
Въ бой !) Вдругъ, не примявъ травы,
Въ обскокъ на рысѣхъ... — Кто ? —
Темень —
Тьмѣ : « Конная сотня. — Вы ? »

И — лошадь захохотала !
Ржетъ — кожу дерутъ ! Продастъ,
Тварь ! Задранного оскала —
Кость. Всаднаго ругань. Пласть

Кнута. Заглотнула сотню
Тьма. — Всѣ. — И опять какъ въ трюмъ.
Хорошъ вѣтерочекъ шлетъ намъ
Русь: встрѣчный — относитъ шумъ.

А шумно — шаги, колеса . . .
А томно — ужъ слухъ побѣгъ,
Что — шумно ! хоть мы — не босы:
Двѣ тысячи паръ сапогъ.

Чай пьемъ — въ Харьковѣ,
Въ Курскѣ — къ завтраку.
То-то марка-то
Марковская !

Шш . . . Не шаркайте !
Схватка — съ картой всей !
И — не — харьковцы —
Марковцы мы !

Впередъ, впередъ, и — здравствуй,
Кремль ! Мстить ? Поклоны класть !
Сдаеть — сдается — сдастся
Ночь. Стопъ. Колонны часть.

И чай, и чай въ накладку, —
А ? сколько не пиваль ?
Послѣдняя оглядка
На валъ — пропаль — проваль.

Веди, веди, Егорка:
Свѣтъ — карты поперекъ
Родной ! У Школьной Горки
Пока-что — фонарекъ

Горить. — Въ чернильной, смольной
Ночи — мечты игра:
— Эхъ кабы вмѣсто Школьной —
Поклонная Гора !

Но до Горы Поклонной —
— Эхъ ! — Вдругъ, въ двухъ шагахъ, какъ
слонъ

Колышайся . . . Колонна —
Стопъ. Прибыли. Батальонъ.

Въ лучѣ фонаря, подъ самымъ
Курганомъ — какъ магъ — какъ мистъ —
Къ какимъ-то богамъ незнамымъ
Взываетъ телефонистъ.

Шипъ — и сызнава . . .
Сапъ — и сызнава . . .
Храпъ — и сызнава . . .

— Штабъ дивизіи !
— Штабъ дивизіи !
— Штабъ дивизіи !

(Послѣдняго могикана —
Зовъ !) Вдоль телеграфныхъ свай —
Безлицые великаны
Съ тѣнями по самый край

Земли.

Всю, всю покроемъ
Тѣлами — вслѣдъ тѣнямъ !
Дѣлами ! Полкъ — покоемъ.
На середину (самъ —

Храмъ !) къ сапогамъ и къ поту
Привычный — полевой —
— Та жъ пахота — пѣхота ! —
Священникъ полковой.

— Братья, вотъ она
Ставка крайняя !
Третій годъ уже
Авель съ Каиномъ
Бьется. Пройдено
Сколько сотъ
Версть ? А родина
Третій — ждетъ.

Вспомнимъ: « *намъ* Елецъ ! »
Вспомнимъ въ Кромы тотъ
Въѣздъ ! Но тяжкіе
Были промахи,
И, дорогу окровеня,
Золотого замѣнъ Кремля —

Крымъ. Зоветъ же васъ
Вся Русь богова —
Добровольцами !
Волку жъ *добрую*,
Братья ! Въ вѣчный градъ —
Вербный въѣздъ !
Крѣпко мечъ держа,
Крѣпче — крестъ,

Вѣтвь . . .

Не ворономъ

Въ бѣломъ кителѣ,

Божьимъ воиномъ,

А не мстителемъ —

Въ бой ! — Такъ радуга гонить грусть. —

Да возрадуется вамъ Русь !

Бѣлый по черну въ тьмахъ

Взлетъ: фуражечный взмахъ.

Всего множества вздохъ.

— Да поможетъ вамъ Богъ !

Дико ? Послѣ постигнете !

Рядомъ съ спящимъ противникомъ

(Завтра — долгъ того требовалъ —

Что бы ни было . . .)

— не было

Кротче насъ.

Отче

Нашъ !

Но — второго естества,

Дѣла рѣчь и міра рѣчь —

Въ рѣчь духовнаго отца —

Отца командира рѣчь,

Пол—ковника сѣдà:

— Всея родины судьба,

Что — наша ! Милліоновъ

Не-красныхъ, не-зеленыхъ,

Что наша ! Поколѣній —

Въ у—дачѣ боевой !

Командиры батальоновъ !
Разводите батальоны
Приготовьтесь къ выполнению
За—дачи боевой !

А первые въ битвѣ бьются —
Сердца. До ушного звону !
Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся. — Тихо. — Выходъ,
Ты ? ! — Чтò ? — Да не можетъ ! — *Есть*,
Бр'ть ! Огненная шутиха —
Вверхъ ! Разъ ! Ну и два-съ ! И нѣсть
Имъ счету. Твоя палитра,
Адъ ! Вдругъ — не въ ушахъ — въ груди —

Звукъ: — Проволока проби—и—
та ! Проволока проби—
та проволока ! Кто не былъ —
Тотъ нѣ жилъ.
До мига, когда все небо
Мигало, а мы такъ *не*
Сморгнули, до звѣздъ — столь яркихъ,
Что — свѣтъ или слѣзы льешь ?
Эхъ, младъ-командиръ-свѣтъ-Марковъ-
Хватъ — ты-то не дожилъ что жъ ? !

Стой ! стой !
Въ мѣховой папахѣ,
Въ прос—той
— Медвѣдскую бралъ —
Курткѣ — той !
Вдоль пахоты — пахарь —
Не Толстой,
Марковъ-генераль.

Младъ ! младъ !
Ни морщинъ, ни плѣши.
Хватъ — радъ
Съ чортомъ хотъ съ самимъ !
Сол—датъ :
Вдоль пахоты — пѣшій.
Сватъ, братъ
Марковцамъ своимъ.

Край — Русь !
Нѣту перестарковъ !
Нà, Русь, —
Пока красовитъ !
Мертвъ — бьюсь !
То генераль Марковъ
На — Русь —
Марковцевъ своихъ.

Уши вырастутъ у безухаго —
Загудѣло запѣло забухало !
Еще громче чѣмъ подъ рубахою
Заработало забабахало.
Справа слѣва все небо въ заревахъ !
« Воробьиная ночь » сказали бѣ

— бахъ

Барабахъ ! — да кони ржутъ —
Кабъ вообще говорили что-нибудь,
Кромѣ : Господи всеблагій !
Господи всеблагій !
Гос—по—ди !

Помоги ! Господи
Помоги ! Господи
Помоги ! Гос—по—ди !

Мощь-то Божья — во — велика !
Осторожнѣй ! Проволока !

Помощь — Твоя — скорая:
Вотъ уже по ту сторону

Проволоки: — На Руси ? — На Руси !
Крымъ ! уже за шеломяномъ еси.

Черезъ день — катились вскочь
Тѣ — текай-откатывай ! —
Стало вѣдомо: въ ту ночь
Мая двадцать пятую

Семью тысячами — живѣ
Богъ ! глядѣль-не смаргиваль ! —
Бита на голову ихъ
Девятая Армія.

Въ солонководныхъ Сивашахъ
— Латышки, плачь объ латышахъ ! —
Осиротили латышатъ,
Перетопили
— лотошатъ
Вѣдь ! никуды жъ вѣдь ! никакихъ
Латышъ — ни ихъ, ни нашъ.
Навѣки вѣчные вѣковъ
Слились: латышъ: Сивашъ.

Начать 1-го августа 1928 г., въ Понтайякѣ
(Жиронда)

Конченъ 15-го мая 1929 г., въ Мёдонѣ
(девять лѣтъ съ *майского* Перекопа)

Переписанъ въ эту книжку 5-го—8-го сентября 1938 г. въ Dives-sur-Mer (Морскомъ Дивѣ) — Calvados.

Послѣдняго Перекопа не написала — потому что дневника уже не было, а самъ перекопецъ (который коню скормилъ сирень — « а можетъ быть это была яблоня — не знаю » — такъ что за сирень не отвѣчаю, за скормъ — да) къ Перекопу уже остылъ — а остальные, бывшіе и не остывшіе — рассказывать не умѣли — или я не понимала (военное).

Такъ и остался послѣдній Перекопъ безъ меня, а я — безъ послѣдняго Перекопа. — Жаль. —

М. Ц.

ПОМѢТКИ

ВАЛГЪ

Стр. 81 :

Была суха, какъ прахъ.

Прахъ — славянское порошокъ.

Нудà—нудà—нудà . . .

Отъ *нудить*, существительное.

Стр. 82 :

Земля была—передъ грозой

Какъ быть должна земля

— то-есть земля была какъ должна быть
передъ грозой земля.

Стр. 83 :

Тамъ перекапывалась—новъ,

Окапывалась—бывъ.

Тамъ — на Перекопѣ. Красными перекапы-
валась новъ, бѣлыми окапывалась бывъ.

—Въ тартарары тебя, тельца ласкова !

(« Всѣмъ ! Всѣмъ ! Всѣмъ ! »)

Телець ласковый—Керенскій. Отъ долгаго
сидѣнья—вглядывались, вспоминали.

**Въ тартарары съ тобой—эхъ, не ты бѣ не
ты !**

Шло—шла—шли.

Шло—всё, шла—Россія, шли—всѣ мы.

Стр. 84 :

**Галлиполи: чанъ—до полноу
Скорбей . . .**

Четверостишіе о Галлиполи—заскокъ въ будущее.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Стр. 85 :

**(За битовку съ Троцкимъ
Крестокъ деревянный
Взялъ)**

—то-есть возьметъ. Заскокъ въ будущее.

Стр. 86 :

**—Тыщу бѣ
Покрылъ—кабѣ по шпаламъ . . .**

то-есть: тыщу бы верстѣ покрылъ, кабы шагаль по шпаламъ, а не взадъ-впередъ по валу.

**И Крымъ, земля ханска,
То влѣво, то вправо**

и, дальше:

**И Русь, страна дивья,
То вправо, то влѣво**

—то-есть—фактически—разъ онъ всё время поворачивается—то вправо, то влѣво *отъ него*. Но есть еще и другой смыслъ: земля ханска и страна дивья *еще не рѣшили*.

СИРЕНЬ

Стр. 88 :

Солончаком, гдѣ каждый стукъ
Копыта: Геродотъ—

Эту землю первый сказалъ Геродотъ, и вотъ она—имѣющему уши—говорить его имя.

Стр. 90 :

А все жъ—всю Русь-святу несетъ
За пазухой...

—Христовой.

Многоточіе, тирэ и перерывъ строки—моя послѣдняя провѣрка и *оконзательное* утверждение.

И вотъ, двадцать лѣтъ спустя, повторяю: Христось на Руси въ тотъ часъ укрывался за пазухой добровольца. *Весь* Христось—за *тощей* пазухой добровольца. Такъ было—и такъ *будетъ*—благодаря этимъ двумъ моимъ строкамъ.

М. Ц.

Парижъ, 17-го сентября 1938 г.

Стр. 91 :

У насъ въ Россіи—всѣмъ !

то-есть: всѣмъ даютъ (N.B. ! послѣднее)

БРУСИЛОВЪ

Стр. 94 :

N.B. ! Вожата вмѣсто Вожатаго. (М.б. неоправданный) славянизмъ. Но мнѣ нужно было именно это слово—и звукъ.

Стр. 94 :

За что, бр'тъ, бьюсь ?
Вѣдь и звука-то нѣту—Русь !

Это говорить не доброволецъ, а сказалъ бы
доброволецъ, если бы имъ быть пересталъ
(перешель).

Чей-то, муку
Усмѣшкой скравъ

—глаголь скрадывать: утаивать.

ПЕРЕБѢЖЧИКИ

Стр. 95 :

Да жива ли ужъ ? Да живъ-то ли ?

Жива ли ужъ—мать, жена, да живъ-то ли—
(деревенскіе)—онъ

Н.В. ! къ людѣмъ

(простонародное)

... Съ представленьями, съ комедьями

—подразумѣвается—наша власть.

ВРАНГЕЛЬ

Стр. 101 :

Сказы и грѣзы
Явно превосходящій

—этимъ дано и оправдано его Высокопревос-
ходительство.

НАЛЕТЪ

Стр. 102 :

Наступленьица — сбылась-таки !

Подразумевается: мечта наша.

Стр. 102-103 :

Весь отрывокъ отъ « Къ каждому хвостку » до « бакъ бензиновый » имѣеть дать надежду, которой обвѣшены самолеты: пуды надеждъ, которыми обвѣшенъ каждый самолетъ.

ПРОЖЕКТОРЪ

Стр. 104 :

Бѣлый блинъ, черный кантъ

—здѣсь прожекторъ данъ въ видѣ добровольца (марковская фуражка).

Вся главка Прожекторъ—только игра этого самаго прожектора: свѣта и тьмы.

КАНУНЪ

Стр. 106 :

**Шш . . . только двоимъ
Вамъ ! Всюду-вездѣ:
— Шш . . . только тебѣ—**

подразумѣвается—говоря.

Стр. 107 :

**И просто боберь—
Армейскаго крою,
Военнаго пострига**

—бобрикъ (стрижка).

**Ибо съ нами
Богъ !
Головы сдвинувши :**

—надъ картой, по которой уже мысленно
идутъ. *

Стр. 108 :

**Какъ сестрины руки—
Въ предчувствіи т ѣ х ѣ**

—руки любимой.

**Тѣнь на карту, слѣдомъ—въ пудъ—
Вздохъ, покашливанье такта**

—явленіе солдата. Послѣдующая фраза о
необходимости еще разъ вычистить пулеме-
ты доказываетъ, что солдаты давнымъ-давно
уже всё знаютъ.

ПОСЛѢДНІЙ ЧАЙ (N.V. ! моя любимая глава)

Стр. 109 :

Сказать тебѣ въ тай ?

Въ тай—тайкомъ (народное).

Стр. 110 :

Тѣмъ Турція—серпъ, тѣмъ Сербія—крестъ. . .

—опереженіе событій: гдѣ кто—послѣ той
травы—ляжетъ.

Турецкій *серпъ* и сербскій *крестъ* какъ сум-
волы смерти.

* Здесь Цветаева либо и просто ошиблась, либо переделала собственные строки, не перемежив их в тексте: в рукописи ее, на стр. 26-ой, мы читаем: . . . Ибо с нами Край ! Двинем — и двинутся ! — Р е д .

Стр. 110 :

А въ сердцѣ —Москва позваниваетъ...

А въ сердцѣ —Москва поваркиваетъ...

(надѣюсь, что понятно, что:) — колоколами

— голубями

Стр. 113 :

Четверостишіе, начинающееся:

Просторы мчатъ

—прошу безъ всякихъ знаковъ, ибо (прошу провѣрить) ни одинъ не подходитъ. Это— скороговорка, имѣющая дать *вихрь*.

ВЫХОДЪ

Стр. 115 :

Если будетъ когда-нибудь печататься, и во всякомъ случаѣ, прошу произносить:

Пѣшечком — и — кишечки

Интонаціонное указаніе:

Махорка ? есть ! на шеѣ крестъ ?

На шеѣ крестъ? прошу произносить (т.е. понимать) не: на *шеѣ*—крестъ? А: на шеѣ *крестъ*? То-есть какъ будто бы слѣдовало: имѣется ли?

Стр. 116 :

На ворохъ казначейскихъ дѣлъ

—по свидѣтельству добровольца, съ котораго мой **Перекопъ** писался, единственное

чтеніе ихъ всѣ тѣ сто дней было ворохъ казначейскихъ дѣлъ. У моего добровольца—но это къ дѣлу не относится, а только такъ, къ слову—была еще моя дѣтская книжка стиховъ « Волшебный фонарь », съ которой въ карманѣ продѣлалъ все добровольчество—отъ первыхъ дней Новочеркаска до послѣднихъ Крыма.

не харкать—

Людѣмъ

(простонародное)

... Кипь черезъ всѣ край—

—удареніе на *и*, вмѣсто края.

Стр. 117 :

И шагомъ—такимъ за гробомъ

Идутъ—да за возомъ дровъ—

—то-есть такъ же тихо, безшумно.

Стр. 120 :

Земли ...

Всю, всю покроемъ

Тѣлами—вслѣдъ тѣнямъ !

(Надѣюсь, понятно, что—*своими* !)

Д ѣ л а м и ! Полкъ—покроемъ

то-есть буквой П.

(Рѣчь священника, N.B. ! — *живая*)

Волю ж добрую,

Братья !

—подразумѣвается: —творите.

Стр. 122 :

Четверостишіе, начинающееся:

Командиры батальоновъ

равно какъ:

**Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся**

мною *дословно*, безъ малѣйшаго измѣненія, взяты изъ записокъ моего добровольца, просто—списаны. Могу сказать почти то же о всемъ моемъ *Перекопѣ*, который писался такъ: слѣва—егò тетрадь (крохотная, даже не тетрадь, а стопочка бумаги), справа моя—черновая, синяя, вчетверо бòльшая. Если въ моемъ *Перекопѣ* есть физическія (фактическія) ошибки—то виноваты стихи, изъ за которыхъ приходилось вводить постороннія дѣлу понятія. И еще—моя безнадежная неизлѣчимая военная слѣпость. Писала *вз слѣпую*, зная только чувства и ближайшіе предметы. Писала какъ тѣ—шли.

Стой ! стой !

Въ мѣховой папахѣ . . .

—видѣніе (убитаго) генерала Маркова, ведущаго на Русь—«марковцевъ своихъ».

Стр. 124 :

Крымъ ! уже за шеломяномъ еси !

—шеломяномъ—курганомъ.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ—*Русь* уже за шеломяномъ.

Н.В. !

А можетъ-быть—хорошо, что мой Пере-
копъ кончается побѣдой: такъ эта побѣда
—не кончается.

Если когда-нибудь—хоть черезъ сто лѣтъ —
будетъ печататься, прошу печатать по старой
ореографіи.

М. Ц.

Парижъ, 7-го января 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В МОСКВЕ В 1921-22 г.

Печатимые ниже стихи, вошедшие в первую изданную за рубежом книгу Марины Цветаевой «Ремесло» (Москва-Берлин, Геликон, 1923), все в той или иной степени связаны тематически со стихами «Лебединого стана», все стихи которого, с хронологической точки зрения, могли бы войти в ту же книгу. Ни одно из печатаемых здесь стихотворений не было включено советскими редакторами в большой однотомник, вышедший в 1965 г.

Какъ по тѣмъ донскимъ боямъ, —
Въ серединку самую,
По заморскимъ городамъ
Все съ тобой мечта моя.

Со стѣны сниму кивотъ
За труху бумажную.
Все продажное, а вотъ
Память не продажная.

Нѣтъ сосны такой прямой
Во зеленомъ ельникѣ.
Оттого-что мы съ тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судебъ —
Для единой рѣдимся.
Ближе, чѣмъ съ ладонью хлѣбъ —
Такъ съ тобою сходимся.

Не унесъ пожаръ-потопъ
Перстенька червоннаго !
Ближе, чѣмъ съ ладонью лобъ
Въ тѣ часы бессонные.

Не возьметъ мое вдовство
Ни муки, ни мельника . . .
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, въ груди моей часы
Какъ завель — не ржавѣли.
Знай, на красной на Руси
Все-жъ самодержавіе !

Пусть весь свѣтъ идетъ къ концу —
Достою у всенощной !
Чѣмъ съ другимъ какимъ къ вѣнцу —
Такъ съ тобою къ стѣночкѣ.

— Ну-кошь, до меня охочь !
Не зѣвай, брательники !
Такъ вдвоемъ и канемъ въ ночь:
Одноколыбельники.

30-го ноября (1921)

Такъ говорю, ибо дарованъ взглядъ
Мнѣ въ игры хороваго:
Нѣтъ, пурпурные съ головы до пятъ.
А вовсе не сквозные !

Такъ — довожу: лба осіянный сводъ
Надменень до безчувствья.
И если радугою гнется ротъ —
То вовсе не отъ грусти.

Златоволосости хотѣль ? Стида ?
Вихрь — и костерь лавровый !
И если нехотя упало: да —
Нѣтъ — ихъ второе слово.

Мнилъ — проволокою поддержанъ бѣгъ ?
Нѣтъ — глыбы за плечами !
Въ полуопущенности смуглыхъ вѣкъ
Стрѣль больше, чѣмъ въ колчанѣ !

О, въ каждомъ поворотѣ головы —
Цѣлая преисподня !
Я это утверждаю: таковы,
Да, — ибо рать Господня.

Мѣдновскипающіе табуны —
Въ благовѣсть мы — какъ въ битву !
Какое дѣло намъ до той слюны,
Названной здѣсь молитвой ? !

Путеводители старухъ ? Сиротъ ?
— Всполохи заревые ! —
Такъ утверждаю, ибо настужь входъ
Мнѣ въ игры хоровыя.

1-го декабря (1921)

АХМАТОВОЙ

Кѣмъ полосынька твоя
Нынче выжнется ?
Чернокосынька моя !
Чернокнижница !

Дни полночные твои,
Вѣкъ твой таборный . . .
Всѣ работнички твои
Разомъ забраны.

Гдѣ сподручники твои,
Тѣ сподвижнички ?
Бѣлорученька моя,
Чернокнижница !

Не загладить тѣхъ могиль
Слезой, славою.
Одинъ заживо ходилъ —
Какъ удушенный.

Другой къ стѣночкѣ пошелъ
Искать прибыли.
(И гордецъ-же былъ соколъ !)
Разомъ выбыли.

Высоко твои братья !
Не докличешься !
Яснооконька моя,
Чернокнижница !

А изъ тучи-то (хвала —
Диво дивное !)
Соколиная стрѣла,
Голубиная . . .

Знать, въ два перышка тебѣ
Пишутъ тамотка,
Знать, ужъ въ скорости тебѣ
Выйдетъ грамотка:

— Будетъ крылышки трепать
О булыжники !
Чернокрылонька моя !
Чернокнижница !

16-го декабря (1921)

МОСКВѢ

Первородство — на сиротство !
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Тѣмъ какъ вдаль гляжу на ближнихъ —
Отрекаюсь.
Тѣмъ какъ твой топчу булыжникъ —
Отрекаюсь.

Какъ въ семнадцатомъ-то
Праведница въ бѣломъ,
Усмѣхаючись, стояла
Подъ обстрѣломъ.

Какъ въ осмнадцатомъ-то
— А ? — слѣдочкомъ ржавымъ
Все сыновъ своихъ искала
По заставамъ.

Вотъ за эту-то — штыками
Не спокаюсь ! —
За короткую за память
Отрекаюсь.

Драгомилово, Рогожская,
Другія . . .
Широко-жь твоя творилась
Литургія.

А рядочкомъ-то
На площади на главной,
Рванью-клочьями
Утѣшенные, лавромъ . . .

Наметай, метель, опилки,
Снѣгъ свой чистый.
Поклонись, глава, могилкамъ
Бунтовщицкимъ.

(Тоже праведники были, —
Не за гривну !)
Красной ранѣ, бѣдной праведной
Ихъ кривдѣ . . .

Старопрежнее, на свалку !
Нынче, здравствуй !
И на кровушкѣ на свѣжей —
Плясъ да яства.

Вотъ за тѣхъ за всѣхъ за братьевъ
— Не спокоюсь ! —
Прости, Иверская Мати !
Отрекаюсь.

30-го декабря (1921)

Пуще чѣмъ женщина
Въ часъ свиданья !
Лавроизсѣченный,
Красною рванью
Исполосованный
Въ кровь —
Снѣгъ.

Вотъ они, тѣсной стальной когортой,
Къ самой кремлевской стѣнѣ приперты,
Въ рядъ
Спать.

Лавръ — вмѣсто камня
И Кремль — оградой.
Крестнаго знамени
Вамъ не надо.
Какъ —
Чтить ?

Не удостоились « Со святыми »,
Не упокоились со святыми.
Лавръ.
Снѣгъ.

Какъ надъ Исусовымъ
Тѣломъ — стража.
Руки грызу себѣ, — ибо даже
Снѣгъ
Здѣсь

Гнѣвъ. — « Проходи! Надъ своими развѣ?! »
Первою въ жизни преступной связью
Чась
Бьетъ.

Съ башни — который? — стою, считаю.
Что-жъ это здѣсь за земля такая?
Шагъ
Врось.

Не оторвусь! (« Отрубите руки! »)
Пуще чѣмъ женщинѣ
Въ часъ разлуки —
Чась
Бьетъ.

Подъ чужеземнымъ бунтарскимъ лавромъ
Тайная страсть моя,
Гнѣвъ мой явный —
Спи,
Врагъ!

НОВОГОДНЯЯ

С. Э.

Братья ! Въ послѣдній часъ
Года — за русскій
Край нашъ, живущій — въ насъ !
Ровно двѣнадцать разъ —
Кружкой о кружку !

За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За нашъ Донъ русскій,
Старыхъ вѣръ Иордань . . .
Грянь,
Кружка о кружку !

Товарищи !
Жива еще
Мать — Страсть — Русь !
Товарищи !
Цѣла еще
Въ серд—цахъ Русь !

Братья ! Взгляните въ даль !
Дельвигъ и Пушкинъ,
Дѣлъ и сердцеъ хрусталь . . .
— Славно, какъ сталь объ сталь —
Кружкой о кружку !

Братства славный обрядъ —
За нашъ братственный градъ
Прагу — до — хрусту
Грянь, богемская грань !
Грянь,
Кружка о кружку !

Товарищи !
Жива еще
Ступь — стать — сталь.
Товарищи !
Цѣла еще
Въ серд—цахъ — сталь.

Братья ! Послѣдній мигъ !
Ужъ на опушкѣ
Лѣса — исчезъ старикъ . . .
Тѣсно—какъ клыкъ объ клыкъ —
Кружкой о кружку !

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань !
Еще живъ — русскій
Богъ ! Кто вѣруеть — встань !
Грянь,
Кружка о кружку !

2-го русскаго января 1922 г.

НОВОГОДНЯЯ

(вторая)

С. Э.

Тоть — вздохомъ взлелѣянный,
Тѣ — жестоки и смутлы.
Залетнаго лебеда
Не обижаютъ орлы.

Къ орламъ — не по записи:
Кто залетѣль — тотъ и братъ !
Вольна наша трапеза,
Дикъ новогодній обрядъ.

Гуляй пока хочется
Въ гостяхъ у орла !
Мы — вольные летчики,
Нашъ знакъ — два крыла !

Подъ гулками сводами
Бои: взглядъ о взглядъ, сталь объ сталь.
То ночь новогодняя
Бьетъ хрусталемъ о хрусталь.

Попарное звяканье
Судебъ: взглядъ о взглядъ, грань о грань.
Очами невнятными
Одинъ — въ новогоднюю рань . . .

Не пей, коль не хочется !
Гуляй вдоль стола !
Мы — вольные летчики,
Нашъ знакъ — два крыла !

Соборной лавиною
На лбы — новогодній обвалъ.
Тоска лебединая,
Въ очахъ твоихъ Донъ ночевалъ.

Тоска лебединая,
Протяжная — къ родинѣ — цѣпь . . .
Мы знаемъ единую
Твою, — не донская ли степь ?

Лети, куда хочется !
На то и стрѣла !
Мы — вольные летчики,
Нашъ вѣкъ — два крыла !

5-го января (1922)

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столбъ:
Рокъ.

Промысль, званье !
Вставай въ ряды !
Каменной дланью
Равняетъ лбы.

Хищенъ и слѣпъ,
Хищенъ и глупъ.
Милости нѣтъ:
Каменногрудъ.

Вѣдомость, номеръ !
Безъ всякихъ прочихъ !
Равенство — мы:
Никакихъ Высочествъ !

Выравненъ ? Нѣтъ ?
Кланяйся праху !
Пушкинъ — на снѣгъ,
И Шенье — на плаху.

6-го января (1922)

Верстами — врозь — разлетаются брови.
Двѣ достовѣрности розной любви,
Черныя возжи-мой-колеи —
Дальнодорожныя брови твои !

Ветлами — вслѣдъ — поднимаются руки.
Двѣ достовѣрности вѣрной разлуки,
Кровь безъ слезы прѣлитая !
По вѣтру жизнь ! — Брови твои !

Лѣтописи лебединныя стрѣлы,
Двѣ достовѣрности бѣлаго дѣла,
Радугою — въ Божьи бои
Вброшенныя — брови твои !

10-го января (1922)

ПОСМЕРТНЫЙ МАРШЪ

Добровольчество — это добрая воля къ смерти...
(Попытка толкованія)

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ встаетъ...

Уронивъ лобяной обломъ
Въ руку, судорогой сведенную,
— Громче, громче ! — Подъ плескъ знаменъ
Не взойдетъ уже въ залу тронную !

И маршъ впередъ уже,
Трубить въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ встаетъ...

Не она-ль это въ зеркалахъ
Расписалась ударомъ сабельнымъ ?
Въ ѣдкомъ верезгѣ хрустала
Не ея-ль это смѣхъ предсвадебный ?

И маршъ впередъ уже,
Трубятъ въ походъ.
О какъ встаетъ она,
О какъ—

Не она-ли изъ впалыхъ щекъ
Продразнилась крутыми скулами ?
Не она-ли подъ локотокъ:
— Третьимъ, третьимъ вчерась прикуривалъ !

И маршъ впередъ уже,
Трубятъ въ походъ.
О какъ —

А — въ просторахъ — Нордъ-Остъ и шкваль.
— Громче, громче промежду ребрами ! —
Добровольчество ! Конченъ балъ !
Послужила вамъ воля добрая !

И маршъ впередъ уже,
Трубятъ —

Не чужая ! Твоя ! Моя !
Всѣхъ какъ есть обнесла за ужиномъ !
— Долгой жизни, Любовь моя !
Измѣняю для новой суженой . . .

И маршъ —

10-го января (1922)

А и просторъ у насъ татарскимъ стрѣламъ !
А и трава у насъ густа — бурьянъ !
Не курскимъ соловьемъ осоловѣлымъ,
Что похотью своею пьянъ,

Свищу надъ рѣченькою румянистой,
Той рѣченькою-не старѣй.
Покамѣстъ въ неширокіе полсвиста
Свищу — пытатъ богатырей.

Охъ и рубцы-жъ у насъ пошли калѣки !
— Алешеньки-то кровь, Ильи ! —
Охъ и красны-жъ у насъ дыматся рѣки,
Малиновыя полыньи.

Въ осоловѣлой оторопи банной —
Хрипъ княжескій да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.

Вотъ и молчокъ-то мой таковъ претихій,
Что вывелась моя семья.
Межъ соловьевъ слезистыхъ — соколиха,
А родъ веду — отъ Соловья.

27-го января (1922)

Слезы — на лисѣ моей облѣзлой !
Глыбой — черезплечные ремни !
Громче паровознаго желѣза,
Громче лѣвогрудой стукотни —

Дребезгъ подымается надъ щебнемъ,
Скрежетомъ по роцамъ, по лѣсамъ.
Точно кто вгрызающимся гребнемъ
Разомъ — по семи моимъ сердцамъ !

Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегарь,
Или-же — вдоль насыпи сутулой
Шопоты и топоты татарь.

Или мужичонка, на́ кругъ должный,
За косу красу — да о косякъ ?
(Можетъ людоедица съ Поволжья
Склабомъ — о ребяческій костякъ ?)

Аль Степанъ всплясалъ, Руси кормилецъ ?
Или-же за кровь мою, за трудъ —
Сорокъ звонарей моихъ взбѣсились —
И боярыню свою поють . . .

Соколъ-перерѣзанныя пути !
Шибче отъ кровавой колеи !
— То надъ родиной моею лютой
Истрадавшіеся соловьи !

28-го января (1922)

Переселенцами —
Въ какой Нью-Йоркъ ?
Вражду вселенскую
Взваливъ на горбъ —

Вѣдь и медвѣди мы !
Вѣдь и татары мы !
Вшами изъѣдены
Идемъ — съ пожарами !

Покамѣсть — въ долгъ еще !
А тамъ, изъ тьмы —
Сонмы и полчища
Такихъ, какъ мы.

Полураскосая
Стальная щель.
Дикими космами
Отъ плечъ — метель.

— Во имя Господа !
Во имя Разума ! —
Вѣдь и короста мы,
Вѣдь и проказа мы !

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мѣхъ —
Звѣзда россійская:
Противу всѣхъ !

Отцеубійцами —
Въ какую дичь ?
Не ошибиться бы,
Вселенскій бичъ !

« Людъ земледѣльческій,
Вставай съ постелею ! »
И вотъ съ разстрѣльщикомъ
Бредеть разстрѣлянный,

И дружной папертью,
— Рвань къ голытьбѣ:
« Миръ бѣлоскатертный !
Ужо тебѣ ! »

9-го февраля (1922)

Сомкнутымъ строемъ —
Противу всѣхъ.
Дай-же спокойно имъ
Спать во гробѣхъ.

Ненависть, — чти
Смертную блажь !
Ненависть, спи:
Рядышкомъ ляжь !

Въ бранномъ ихъ саванѣ —
Сколько прорѣхъ !
Дай-же имъ правыми
Быть во гробѣхъ !

Врагъ — пока здоровъ,
Правъ — какъ упалъ.
Мертвымъ — оставъ
Червь да шакаль.

Вмѣсто глазницъ —
Черные рвы.
Ненависть, ницъ :
Сынъ — разъ въ крови !

Собственнымъ тѣломъ
Отдалъ за всѣхъ . . .
Дай-же имъ бѣлыми
Быть во гробѣхъ.

9-го февраля (1922)

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

РАССКАЗ ЦВЕТАЕВОЙ О «ВЕЧЕРЕ ПОЭТЕСС» В МОСКВЕ

В своих воспоминаниях о Валерии Брюсове («Герой труда»), напечатанных в пражском журнале «Воля России», а потом вошедших в посмертный сборник Цветаевой «Проза» (изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1953) Цветаева рассказывает об устроенном Брюсовым в Москве в 1921 г. «вечере поэтесс». Поэтессы должны были выступать в алфавитном порядке, и первой должна была читать Е.А. Адалис (настоящая ее фамилия была Ефрон — она была почти однофамилицей Цветаевой). Но Адалис не захотела быть первой, как не захотела и следовавшая за ней по алфавиту Бэнар. Брюсов стал обращаться к другим, все отказывались, и тогда Цветаева вызвалась читать первой. Дальше предоставляем слово самой Марине Цветаевой:

... И я, дождавшись того, чего с первой секунды знала, что дождусь: одной миллиардной миллиметра поворота в мою сторону Брюсова, опережая просьбу, просто дружески: «В.Я., хотите начну?». Чудесная волчья улыбка (вторая — мне — за жизнь!) и, освобожденным лаем:

— Товарищи, первой выступит (подчеркнутая пауза) поэт Цветаева.

Стою, как всегда на эстраде, опустив близорукие глаза к высокоподнятой тетрадке, — спокойная — пережидаю (тотчас же наступающую) тишину. И явственнейшей из дикций, убедительнейшим из голосов:

Кто уцѣлѣлъ — умереть, кто мертвъ —
воспрянетъ . . .

И вотъ потомки, вспомнивъ старину:

— Гдѣ были вы? — Воспросъ какъ громомъ
грянетъ,
Отвѣтъ, какъ громомъ грянетъ. — На Дону!

— Что дѣлали? — Да принимали муки,
Потомъ устали и легли на сонъ . . .

И въ словарь задумчивые внуки

За словомъ: долгъ напишутъ слово: Донъ.

Секунда пережидания и — рукоплещут. Я, чуть останавливая рукой — дальше. За Доном — Москва («Кремлевские бока» и «Гришка-Вор»), за Москвой — Андрей Шенье («Андрей Шенье взошел на эшафот»), за Андреем Шенье — Ярославна, за Ярославной — Лебединый стан, так (о седьмом особо) семь стихов подряд. Нужно сказать, что после каждого стиха наставала недоуменная секунда тишины (то ли слышу?) и (очевидно, не то!) прорвалась — рукоплещут. Эти рукоплескания меня каждый раз, как Конек-Горбунок — царевича, выносили. Кроме того, подтверждали мое глубочайшее убеждение в том, что с первого раза, да еще с голосу, смысл стихов, вообще, не доходит, скажу больше: что для большинства в стихах дело вовсе не в смысле, и — не слишком много скажу, — что на вечере поэсс дело уж вовсе не в стихах. Здесь же, после предисловия Брюсова (пусть не слушали — слышали!) я могла разрешить себе решительно все; — *le pavillon* (Брюсов с его любовью и страстью) *couvre la marchandise* (меня, например, с моей Белой Гвардией). Делая такое явное безумие, я

преследовала две, нет три, четыре цели: 1) семь женских стихов без любви и местоимения «я», 2) проверка бессмысленности стихов для публики, 3) переключка с каким-нибудь одним, понявшим (хоть бы курсантом!), 4) и главная: исполнение здесь, в Москве 1921 г., долга чести. И вне целей, бесцельно — пуце целей! — простое и крайнее чувство: — а ну?

Произнося, вернее собираясь произнести некоторые строки: («Да, ура! За царя! Ура!») я как с горы летела. Но произнесла, но сейчас — уже волей не моей, а стиха — произнесу. Произношу. Неотвратимость.

Стих, оказавшийся последним, был и моей, в тот час, перед красноармейцами — коммунистами — курсантами — моей, жены белого офицера, последней правдой:

*«Кричали женщины ура
И въ воздухъ гезики бросали»...*

Руку на сердце положи:
Я не знатная госпожа!
Я — мятежница лбомъ и чревомъ.

Каждый встрѣчный, вся площадь, — всѣ! —
Подтвердятъ, что въ дурномъ родствѣ
Я съ своимъ родословнымъ древомъ.

Кремль! Черна чернотой твоей!
Но не скрою, что всѣхъ мощей
Прецѣннѣ мнѣ — пепель Гришки!

Если жъ чепчикъ кидаю вверхъ, —
Ахъ ! не такъ же ль кричать на всѣхъ
Міровыхъ площадяхъ — мальчишки ? !

Да, ура ! — За царя ! — Ура !
Восхитительныя утра
Всѣхъ, съ начала вселенной, вѣздовъ !

Выше башенъ летить чепецъ !
Но — минуя литой вѣнецъ
На челѣ истукана — къ звѣздамъ !



В этом стихе был мой союз с залом, со всеми залами и площадями мира, мое последнее — все розни покрывающее. — доверие, взлет всех колпаков — фригийских ли, семейственных ли — поверх всех крепостей и тюрем — я сама — самая я.

— Г-жа Цветаева, достаточно, — повелительно-просящий шопот Брюсова. Вполоборота Брюсову: « Более чем », поклон залу — и в сторонку, давая дорогу —

— Сейчас выступит товарищ Адалис.



ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Приводим здесь стихотворение, которое Цветаева вписала в оставленную ею в Базеле тетрадь между «Лебединым станом» и «Перекопом» и о котором она говорит в заключительном примечании к стихам «Лебединого стана». Стихотворение это было напечатано в первом издании «Лебединого стана». Оно не вошло в изданные с тех пор в СССР два цветаевских однотомника.

Кто — мы ? Потонуль въ медвѣдяхъ
Тотъ край, потонуль въ полозьяхъ.
Кто — мы ? Не изъ тѣхъ, что ѣздить —
Вотъ — мы ! А изъ тѣхъ, что возятъ :

Возницы. Въ раненьяхъ жгучихъ
Въ грязь вбитые — за везучесть.

Везло ! Черезъ Донъ — такъ голымъ
Льдомъ. Хватъ — такъ всегда патрономъ
Послѣднимъ. Приварь — несолонъ.
Хлѣбъ — вышель. Ужъ такъ везло намъ !

Всю Русь въ наведенныхъ дулахъ
Несли на плечахъ сутулыхъ.

Не вывезли ! Пѣшимъ драломъ —
Въ ночь, выхаркнуты народомъ !
Кто мы ? да по всѣмъ вокзаламъ !
Кто мы ? да по всѣмъ заводамъ !

По всѣмъ гнойникамъ гаремнымъ * —
Мы, вставшіе за деревню,
За — дерево . . .

Съ шестерней, какъ съ бабой, сладившіе —
Это мы — бѣлоподкладочники ?
Съ Моховой князя да съ Бронной-то —
Мы-то — золотопогонники ?

Гробокопы, клополовы —
Подошло ! подошло !
Это мы пустили слово:
Хорошо ! хорошо !

Судомой, крысотравы,
Домъ — верша, громъ — глуша,
Это мы пустили славу:
— Хороша ! хороша —
Русь !

Маляры-то въ поднебесьицѣ —
Это мы-то съ жиру бѣсимся ?
Баррикады въ Пятомъ строили —
Мы, ребятами.

— История.

Баррикады, а нынче — троны.
Но все тотъ же мозольный лоскъ.
И сейчасъ уже Шарантоны
Не вмѣщаютъ російскихъ тоскъ.

* Дансёры въ дансингахъ.

Мремъ отъ нихъ. Подъ шинелью драной —
Мремъ, наганъ наставляя въ бредъ...
Перестраивайте Бедламы:
Всѣ — малы́ для россійскихъ бѣдъ !

Бредить шпорой костыль — острите ! —
Пулеметомъ — пустой обшлагъ.
Въ сердцѣ, явственномъ послѣ вскрытья —
Ледяного похода знакъ.

Всѣми пытками не исторгли !
И да будетъ извѣстно — тамъ :
Доктора узнаютъ насъ въ моргѣ
По не въ мѣру большимъ сердцамъ.

St.Gilles-sur-Vie
(Vendée)
Апрѣль 1926 г.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

Ниже даем, с постраничными ссылками, указания на первую публикацию вошедших в «Лебединый стан» стихотворений, а также некоторые другие необходимые пояснения:

Стр. 37:

Над церковкой — голубые облака... — впервые в сборнике «Тринадцать поэтов» (Пг., 1917).

Стр. 38:

Царю на Пасху — в антологии «Поэзия революционной Москвы», под ред. И. Эренбурга, Берлин, 1922 («Книга для всех», № 57-58).

Стр. 39:

Чуть светает... — «Тринадцать поэтов».

Стр. 41:

Голубые, как небо, воды... — в цветаевской тетради это стихотворение сопровождалось указанием на то, что некоторые стихотворения были записаны ею в неправильном хронологическом порядке и что место этого стихотворения после стихотворения о Диктаторе. В нашем издании мы восстановили более строгий хронологический порядок, отчасти расходящийся и с указаниями самой Цветаевой.

Стр. 45:

Москве — все три стихотворения в «Весеннем Салоне Поэтов» (М., 1918), но в другом порядке: наше третье предшествует нашему второму.

Стр. 47:

Дон — в «Русской Мысли» (Прага-Берлин), 1922, кн. VIII-XII.

Стр. 50:

Андрей Шенье взшел на эшафот... — «Современные Записки» (Париж), 1921, кн. VI; потом — «Поэзия революционной Москвы».

Стр. 54:

Семь мечей пронзали сердце... — «Современные Записки», 1921, кн. VI.

Стр. 57:

Если душа родилась крылатой... — там же; потом — «Поэзия революционной Москвы». Вошло в советский однотомика 1965 г.

Стр. 61:

Память А. А. Стаховича — есть указания на то, что оба эти стихотворения были где-то опубликованы, но где именно, нам не удалось установить. Алексей Александрович Стахович, брат известных общественных деятелей Михаила и Александра Александровичей Стаховичей; одно время был актером Московского Художественного Театра; покончил с собой в первые годы революции. Цветаева дружила с ним в то время и писала о нем в своих воспоминаниях о московской жизни тех лет.

Стр. 63:

Але — вошло в книгу «Психея» (1923). Аля — дочь М. И. Цветаевой Ариадна.

Стр. 64:

С. Э. — «Современные Записки», 1921, кн. VI. С. Э. — Сергей Яковлевич Эфрон, муж М. И. Цветаевой.

Стр. 64:

Дорожкой простонародною... — «Современные Записки», 1921, кн. VI; потом в «Психее», где дата — «1-го октября 1918 г. Покров», так что место этого стихотворения, датированного Цветаевой по памяти, значительно раньше.

Стр. 66:

Я эту книгу поручаю ветру... — «Поэзия революционной Москвы».

Стр. 67:

Блоку — в альманахе «Пересвет», I (М., 1921), с разночтением (если не опечаткой) в первой строке («шорох» вместо «морок»). Затем почти одновременно в книгах «Стихи к Блоку» (1922), как девятое стихотворение цикла, и «Психея». В «Психее», в стихе 8-м — «нежнее» вместо «вернее». С таким же разночтением воспроизведено в однотомнике 1965 г.

Стр. 73:

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь! — «Поэзия революционной Москвы».

Стр. 74:

Плач Ярославны — «Русская Мысль», 1922, кн. VIII-XII.

Стр. 76:

С Новым Годом, Лебединый стан! — там же, под названием «Тем в Галлиполи». О том, как эти и другие свои «белогвардейские» стихи Цветаева читала в Москве на «вечере поэтесс», см. «Приложение второе».

Возможно, что и какие-то другие стихотворения были где-то раньше опубликованы — например, в парижских газетах «Дни» и «Последние Новости» — но нами эти публикации не были разысканы.

ПЕРЕКОП

Насколько нам известно, «Перекоп» был впервые опубликован (во многом неудовлетворительно) в сборнике «Воздушные Пути» № V, 1967. Отрывки из «Перекопа» как будто нигде не печатались.

Стр. 124:

25-го мая 1920 г. двадцатипяти тысячные силы врангелевской армии, разделенные на четыре корпуса, нанесли решающее поражение большевицким войскам и прорвали Перекопский перешеек, отделяющий Крымский полуостров от материка. К 4-му июня белые заняли Северную Таврию.

Стр. 125:

Под «последним Перекопом» Цветаева, очевидно, подразумевала героическую, но безуспешную защиту Перекопа от значительно превосходящих, наступающих сил Красной Армии, которая в начале ноября 1920 г., под водительством Буденного, прорвала Перекоп и тем самым положила конец «белому Крыму».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От редактора — Глеб Струве	7
Благородная Цветаева — Юрий Иваск	15
I. ЛЕБЕДИНЫИ СТАНЪ	
На кортикъ своемъ: Марина —	37
Надъ церковкой — голубыя облака	37
Царю — на Пасху (Настежь, настежь)	38
За Отрока — за Голубя — за Сына	39
Чуть свѣтаетъ —	39
И кто-то, упавъ на карту	40
Изъ строгаго, стройнаго храма	41
Голубыя, какъ небо, воды	41
Юнкерамъ, убитымъ въ Нижнемъ (Сабли взмахъ —)	42
Ночь. — Нордъ-Ост. — Ревъ солдатъ. — Ревъ волнъ	43
Плохо сильнымъ и богатымъ	44
Корниловъ (. . . Сынъ казака, казакъ . . .)	44
Москвѣ (1. Когда рыжеволосый Самозванецъ.	
2. Гришка-Воръ тебя не ополячил. 3. Жидкій звонъ,	
постный звонъ)	45
Кровныхъ коней запрягайте въ дровни!	46
Донъ (1. Бѣлая гвардія, путь твой высокъ. 2. Кто	
уцѣлѣлъ — умретъ, кто мертвъ — воспрянетъ.	
3. Волны и молодость — внѣ закона !)	47
Идетъ по луговинамъ литія	49
Трудно и чудно — вѣрность до гроба!	49
Андрей Шенъ (1. Андрей Шенъ взошелъ на эша-	
фотъ. 2. Не узнаю въ темнотѣ).	50
. . . О, самозванцевъ жалкія усилія!	50
Коли въ землю солдаты всадили — штыкъ	51
Это просто, какъ кровь и потъ	52
Орелъ и архангелъ! Господень громъ!	53
Московский гербъ: герой пронзаетъ гада	53
Богъ — правъ	53
Семь мечей пронзали сердце	54
Мракобѣсіе. — Смерчъ. — Содомъ	54
Бѣлизна — угроза Чернотѣ	55
— Гдѣ лебеди? — А лебеди ушли	55
Бѣлогвардейцы! Гордѣвъ узелъ	56
Надобно смѣло признаться, Лира!	56
Если душа родилась крылатой	57
Подъ рокоть гражданскихъ буръ	57
Колыбель, овѣянная краснымъ!	57
Ты далъ намъ мужества	58
Поступью сановнически-гордой	59
Надъ черною пучиной водною	59
Бури-вьюги, вихри-вѣтры васъ взлелѣяли	60
Царь и Богъ! Простите мальцмъ	60
Память А. А. Стаховича (1. Не отъ запертыхъ на	
семь замковъ пекаренъ. 2. Высокой горести моей)	61

Алѣ (Въ шитой серебромъ рубашечкѣ)	63
С. Э. (Хочешь знать, какъ дни проходятъ)	64
Дорожкою протонародною	64
Бальмонту (Пышно и безстрастно вянуть)	64
1920 г.	
Я эту книгу поручаю вѣтру	65
Блоку (Какъ слабый лучъ сквозь черный морокъ адовъ)	67
Ex-ci-devant (отзвукъ Стаховича) (Хоть сто мозолей — трехъ вѣковъ не скроешь!)	68
Петру (Вся жизнь твоя — въ единомъ крикѣ)	68
Есть въ станѣ моемъ — офицерская прямота	70
Объ ушедшихъ — отошедшихъ	71
(Взятіе Крыма) (И страшные мне снятся сны)	71
Буду выспрашивать воды широкаго Дона	72
Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ, бѣлый груздь!	73
Плачь Ярославны (Вопль стародавній)	74
Съ Новымъ Годомъ, Лебединый станъ!	76
II. ПЕРЕКОП	79
III. ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение первое: Стихи, написанные в Москве в 1921-22 г.	136
Приложение второе: Рассказ Цветаевой о «вечере поэтесс» в Москве	154
Приложение третье: Кто мы? Потонул в медведях	158
Примечания редактора	161

A. ROSSEELS PRINTING C^o
Vaartstraat 70 — 3000 Louvain
 016 / 360.01 — Belgium
